

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцать второй.

МАРТЪ.

1891 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

- I. Фельдмаршалъ графъ И. И. Дибичъ-Забалканскій въ его разсказахъ. Заглавн. въ янв. 1830 г. баронъ Тизенгаузенъ. Сообщ. Н. К. Шидлеръ 511
- II. Записки ген.-м. Николая Васильевича Воина, 1790—1853 гг. 547
- III. Записки профессора-ректора императорской академіи художествъ Ведора Ивановича Юрдана, 1800—1853 гг. Гл. I—IV. 601
- IV. Записки Мохначнаго: польское возстаніе въ 1830—1831 гг. Глава VII. 537
- V. Воспоминанія ген.-лейт. Дмитрія Григорьевича Колокольцова, бывшаго офицера 2-го Преображенскаго полка 635
- VI. Николай Васильевичъ Гоголь: его письма къ графу Александру Петровичу Толстому, 1844—1850 гг. Сообщ. Е. С. Некрасова . . . 567
- VII. Дворянскій полкъ въ воспоминаніяхъ одного изъ его воспитанниковъ, Н. П., 2 сентября 1848 г. 677

- VIII. Дѣло 22-го мая 1854 г. подъ Силистрией. Изъ воспоминаній ген.-лейт. Всеиз. Порф. Козовскаго . . 698
- IX. Дневникъ академика-профессора Александра Васильевича Никитенко, 1863 годъ 701
- X. Посмертныя записки Николая Васильевича Берга. Гл. V—VI. 579
- XI. Изъ жизни Никанора Бронковича, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго. † 27 декабря 1890 г. . 771
- XII. Е. и. в. нн. Николай Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій, † 25 декабря 1890 г. 762
- XIII. Отдѣлъ В. М. Достоевскаго въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ. 777
- XIV. Тридцатая годовщина дня освобожденія крестьянъ, 1861—19-го февраля—1891 . . . 781
- XV. Николай Федоровичъ Щербина: портреты, аксипроты 675, 762 и 776
- XVI. Библиографическій листокъ. (На оберткѣ и въ листѣ магазинн., на своей бумагѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Цесаревича Константина Павловича, съ рисунка, исполненнаго съ натуры въ день отступленія русскихъ войскъ изъ Варшавы, 19 ноября 1830 г. Рисунокъ сообщ. ген.-лейт. Ан. Фел. Ливинъ. Гравировалъ Н. Н. Матюшинъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1891 г.

Двадцать второй годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Альбомъ гравюръ на мѣди, портреты русскихъ дѣятелей, выпускъ четвертый. Напечатаны и разсматривается **ПЯТЫЙ ВЫПУСКЪ** портретовъ, художественно выполненныхъ гелиографами. Цѣна каждаго выпуска **ОДИНЪ** руб. и три почтов. марокъ за перес. (21 к.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографъ В. С. Балашова, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1891.

ВОСПОМИНАНІЯ ГЕН.-ЛЕЙТ. ДМИТРІЯ ГРИГОРЬЕВ. КОЛОКОЛЬЦОВА,

бывшаго офицера л.-гв. Преображенскаго полка.

Помѣщаемый ниже разсказъ принадлежитъ генералъ-лейтенанту Дмитрію Григорьевичу Колокольцову. Представитель старинной столбовой дворянской фамиліи, Д. Г. родился въ мартѣ 1814 года и, получивъ домашнее образованіе, поступилъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ въ 1831 г., подпрапорщикомъ, именно въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Въ этой школѣ Колокольцевъ былъ товарищемъ кн. А. И. Барятинскаго, впоследствии фельдмаршала, М. Ю. Лермонтова, Монго-Столыпина и друг.

Нѣсколько главъ изъ своихъ воспоминаній о службѣ въ л.-гв. Преображенскомъ полку, Д. Г. помѣстилъ въ „Русской Старинѣ“ над. 1883 г. (томъ XXXVIII, май, стр. 273—310; июнь, 593—622). По выходѣ въ отставку, уже изъ арміи, Д. Г. Колокольцовъ въ 1860 году вновь поступилъ на службу въ войска, дѣйствовавшія затѣмъ противъ польскихъ мятежниковъ; во главѣ баталіона Новонингерманландскаго полка, Д. Г. разбилъ въ 1863 году, въ Виленскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Куровскаго, шайку мятежниковъ; перейдя вскорѣ на службу въ Туркестанскій край, старшій преображенецъ принялъ живѣйшее участіе въ Хивинской экспедиціи, какъ командиръ перваго эшелона; за влітіе Хивы Колокольцовъ получилъ золотую саблю и чинъ генералъ-маіора. Ему принадлежитъ самое первое, по времени появленія въ печати, описаніе Хивинской экспедиціи („Военный Сборникъ“, 1873 г.).—Въ 1884 году Д. Г., получивъ чинъ ген.-лейтенанта, вышелъ въ отставку и поселился въ томъ самомъ родовомъ своемъ имѣніи, о пребываніи въ которомъ Д. Г. въ 1850—1867 годахъ приводятся любопытныя подробности въ его слѣдующемъ изъясн. разсказѣ ¹⁾.

Ред.

¹⁾ См. „Альбомъ М. И. Семеновскаго“, „Знакомые“, изд. Спб. 1888 г., стр. 220, и рукопись „Альбома“, т. IV.

I.

прослуживши въ лейбъ-гврдїи въ Преображенскомъ полку слишкомъ четырнадцать лѣтъ, я, по домашнимъ обстоятельствамъ, вынужденъ былъ просить перевода изъ гврдїи въ армію. Я желалъ быть переведеннымъ въ одинъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, которые квартировали въ Москвѣ, потому что старикъ отецъ мой проживалъ въ то время въ Москвѣ въ своемъ собственномъ домѣ.

Служа въ Преображенскомъ полку, я достигнулъ чина штабсъ-капитана; въ бытность еще поручикомъ я уже командовалъ ротой, жилъ въ казармахъ полка и какъ фронтowej офицеръ былъ на хорошемъ счету. Все это, въ послѣднее время моего служенія въ полку, происходило въ царствованіе государя Николая Павловича, въ 1845-мъ или 1846-мъ году. Великій князь наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, въ это самое время, начальствовалъ всею гвардейскою пѣхотою и я былъ переведенъ въ армію штабъ-офицеромъ, майоромъ.

Его императорское высочество въ тѣ времена былъ, такъ сказать, предметомъ боготворенія не только всѣми нами, гвардейскими офицерами, но и всѣми нижними чинами гвардейскаго корпуса и всего петербургскаго населенія, которое во время проѣзда наслѣдника по улицамъ съ обожаніемъ на него взидало и передъ нимъ преклонялось....

Когда я поступилъ на службу въ Школу гвардейскихъ подпорщиковъ и юнкеровъ въ 1831-мъ году, мнѣ только-что минуло 16 лѣтъ и я въ то время считалъ себя старше наслѣдника Александра Николаевича четырьмя годами.

При особѣ его высочества въ то время состоялъ полковникъ Преображенскаго полка Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ. Мы, подпорщики и юнкера гвардейской школы, во время лагернаго сбора войскъ, постоянно ходили въ лагерь вмѣстѣ со всѣми военно-учебными заведеніями въ Петергофъ. Государь Николай Павловичъ большую часть времени жилъ въ Петергофѣ со всею царскою фамиліею и нашъ лагерь посѣщалъ очень часто.

Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, будучи тогда очень юныхъ лѣтъ, почти всякій день вмѣстѣ съ полковникомъ

Игнатьевымъ прїѣзжалъ въ лагерь и проводилъ время при Пажескомъ корпусѣ вмѣстѣ съ пажами. А такъ какъ палатки пажей были поставлены рядомъ съ палатками всѣхъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ и мы въ тѣ времена не имѣли шатровъ и частенько находились подъ палаточнымъ дождемъ, то при посѣщеніи наслѣдникомъ лагеря, естественно, мы всѣ подпрапорщики и юнкера очень часто имѣли счастье бывать вмѣстѣ съ его высочествомъ.

Съ того времени прошло болѣе полвѣка... Впослѣдствіи, когда большая часть изъ насъ были уже офицерами гвардіи, а его высочество уже взрослымъ наслѣдникомъ престола, мы постоянно, по старой памяти, находились на глазахъ е. и. в. наслѣдника цесаревича и съ тѣхъ поръ какъ Александръ Николаевичъ начальствовалъ всею гвардейскою пѣхотою, мы, современники, служившіе тогда подъ его высокимъ начальствомъ, постоянно оставались въ памяти его императорскаго высочества, даже и впослѣдствіи, когда онъ былъ уже императоромъ, его величество при каждомъ случаѣ узнавалъ всякаго изъ насъ и постоянно говорилъ: „этотъ мнѣ старый знакомый“ и вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ монаршимъ благоволеніемъ награждалъ каждого изъ насъ.

Во время начальствованія наслѣдникомъ всею гвардейскою пѣхотою, я, будучи офицеромъ Преображенскаго полка, въ числѣ прочихъ офицеровъ, имѣлъ счастье пользоваться особеннымъ милостивымъ вниманіемъ е. и. в., знавшаго меня еще съ юнкерскаго чина, когда я находился въ Гвардейской школѣ и въ лагерѣ подъ Петергофомъ.

Писавши эти строки, я не могу вспомнить безъ сердечнаго трепета о томъ прошедшемъ счастливомъ для насъ всѣхъ времени, о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя е. выс—во оказывалъ многимъ изъ офицеровъ и въ томъ числѣ въ особенности мнѣ лично, даже тогда, когда онъ былъ уже государемъ императоромъ...

Итакъ, въ тотъ самый годъ, когда наслѣдникъ Александръ Николаевичъ былъ назначенъ начальникомъ всей гвардейской пѣхоты, вышелъ мой переводъ изъ гвардіи въ армію. Какъ только объ этомъ было отдано въ приказѣ по гвардейскому корпусу, я получилъ предписаніе отъ командира Преображенскаго полка на слѣдующій день въ 10 часовъ утра ѣхать уже въ армейской формѣ откланиваться по начальству. Я долженъ былъ начать съ бригаднаго командира, потомъ ѣхать къ начальнику дивизіи, а къ 12 часамъ дня я долженъ былъ прибыть въ Зимній дворецъ на полочину наслѣдника цесаревича представиться его высочеству, какъ начальнику всей гвардейской пѣхоты.

Я прїѣхалъ въ Зимній дворецъ въ половинѣ двѣнадцатаго и войдя въ прїемный залъ наслѣдника, засталъ уже нѣсколько офицеровъ, которые также должны были представляться начальнику пѣхоты. Мнѣ необходимо было предварительно записаться у дежурнаго адъютанта, который тутъ-же находился и записывалъ всѣхъ прежде меня прибывшихъ.

Дежурнымъ адъютантомъ е. выс—ва въ этотъ день былъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ, мой сослуживецъ по Преображенскому полку, котораго я еще зналъ, когда мы оба были мальчиками, онъ въ Пажескомъ корпусѣ, а я въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, когда мы соединялись ежегодно, какъ я уже сказалъ, въ лагерь подъ Петергофомъ, гдѣ между всѣми нами образовалась товарищеская дружеская связь, а впоследствии, когда Адлербергъ былъ произведенъ офицеромъ въ Преображенскій полкъ, мы служили вмѣстѣ и всегда были въ очень хорошихъ отношеніяхъ и говорили другъ другу не иначе какъ ты. Онъ пробылъ у насъ въ полку года два, а потомъ состоялъ при наслѣдникѣ цесаревичѣ и постоянно находился во дворцѣ, но не забывалъ полка и зачастую заходилъ къ намъ въ казармы; его въ полку очень любили; онъ оказался хорошимъ товарищемъ и до конца своей жизни оставался тѣмъ-же добросердечнымъ человѣкомъ, какимъ былъ въ юности.

Итакъ, въ прїемномъ залѣ дворца мы поздоровались съ Адлербергомъ по-товарищески; вписывая меня въ свою тетрадку, онъ перемолвилъ со мною нѣсколько словъ о дорогомъ тогда для насъ Преображенскомъ полку. Потомъ, улыбаясь, присовокупилъ: „теперь тебѣ слѣдуетъ уже пристроиться къ армейскимъ офицерамъ, которые, при выходѣ наслѣдника, будутъ стоять лѣвѣе всѣхъ“, и при этомъ какъ-бы поспѣшилъ добавить: „смотри, наслѣдникъ, вѣроятно, съ тобою заговоритъ и будетъ тебя спрашивать, почему ты оставляешь гвардію?“...

Представлявшихся наслѣднику, какъ начальнику всей гвардейской пѣхоты, въ этотъ день было довольно много. Были всѣ полковые командиры гвардейскихъ полковъ, гвардейскіе офицеры, отъѣзжавшіе въ отпускъ, и нѣкоторые изъ возвратившихся, были и нѣкоторые изъ прикомандировывавшихся къ гвардіи. Кромѣ того, я засталъ тутъ двухъ армейскихъ подполковниковъ, представляющихся не знаю по какому случаю, а такъ какъ я самъ былъ въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ, то Адлербергъ и указалъ мнѣ встать лѣвѣе ихъ, такъ какъ они были старше меня въ чинахъ.

Ровно въ 12 часовъ обѣ половины дверей изъ покоевъ наслѣд-

ника растворились и въ залѣ все смолкло. Его высочество вышелъ въ мундирѣ Преображенскаго полка, его окружала довольно большая свита. Выходя изъ своихъ покоевъ, онъ продолжалъ разговаривать съ однимъ изъ служащихъ при немъ, одѣтымъ въ очень красивомъ мундирѣ военнаго министерства; это былъ Толстой. Я зналъ его роднаго брата, онъ былъ адъютантомъ в. кн. Михаила Павловича.

Какъ только наслѣдникъ цесаревичъ показался въ дверяхъ съ его величественною осанкою и обычною пріятливостію, то всѣ бывшіе въ залѣ какъ-бы въ одинъ моментъ ему поклонились... Видно было, съ какимъ благоговѣніемъ всѣ преклонялись предъ наслѣдникомъ великаго престола.

Великій князь подошелъ къ тѣмъ представлявшимся, которые стояли ближе къ его входнымъ дверямъ; Адлербергъ, имѣя въ рукахъ тетрадку, докладывалъ его высочеству кто и по какому случаю представляется. Наслѣдникъ цесаревичъ разговаривалъ весьма милостиво съ каждымъ, такъ что это заняло довольно много времени, пока очередь дошла до насъ, армейскихъ офицеровъ. Наконецъ дошла очередь и до меня. Его высочество, переговоривъ очень милостиво со стоявшими выше меня армейскими штабъ-офицерами, обратился ко мнѣ.

Его высочество, всматриваясь въ меня довольно пристально, послѣ нѣкоторой паузы сказалъ мнѣ: „я сожалею, что ты оставляешь гвардію“.

Потомъ разспросилъ меня о моихъ домашнихъ обстоятельствахъ и по выслушаніи моего отвѣта присовокупилъ тономъ, выражавшимъ полное добросердечіе и участіе:

— „Я тебѣ позволяю и даю тебѣ право, ежели-бы ты встрѣтилъ какія-либо затрудненія въ арміи и ежели-бы съ тобою случилось какое-либо несчастіе, то пиши мнѣ“... и затѣмъ еще разъ повторилъ мнѣ свое сожалѣніе о томъ, что я оставляю гвардейскую службу.

Какъ и чему уподобить подобное милостивое благоволеніе наслѣдника великаго престола, по отношенію ничтожнаго армейскаго офицера! Но еще болѣе трогаетъ душу и сердце то, что Александръ Николаевичъ, будучи уже на престолѣ, при его обширныхъ и многотрудныхъ въ то время государственныхъ занятіяхъ, по прошествіи болѣе десяти лѣтъ, не забылъ того армейскаго офицера, которому онъ, будучи еще наслѣдникомъ, далъ право къ нему писать и, какъ увидимъ ниже, по письму моему, поданному государю, е. в.—истинный мой благодѣтель—выручилъ меня и мое семейство изъ великой тогда бѣды. Затѣмъ, когда послѣ многихъ лѣтъ моего увольненія отъ

службы мнѣ пришлось по необходимости вновь поступить въ армію, с. в. государь императоръ Александръ Николаевичъ при встрѣчѣхъ со мною, на дѣлаемыхъ имъ смотрахъ армейскихъ полковъ, всегда относился ко мнѣ многомилостиво и великодушно.

Итакъ, послѣ того какъ я послѣдній разъ представлялся наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу, какъ начальствовавшему тогда всею гвардейскою пѣхотою, я въ продолженіе десяти слишкомъ лѣтъ не былъ въ Петербургѣ и не имѣлъ счастья видѣть его высочества. Перейдя тогда изъ гвардіи, я нѣсколько лѣтъ продолжалъ службу въ глубокой арміи баталіоннымъ командиромъ; наконецъ, раздѣлъ родового имѣнія между нами, братьями, заставилъ меня оставить военную службу и выйти въ чистую отставку. Между тѣмъ, его высочество вступилъ въ 1855 году на прародительскій престолъ.

II.

По выходѣ въ отставку я поселился съ женою и дѣтьми въ доставшейся мнѣ деревнѣ Пензенской губерніи, Городищенскаго уѣзда, село Сыромась. Мнѣ одинаково съ братьями досталось имѣніе, заложенное въ Опекунскомъ совѣтѣ, раззоренное и, можно сказать, даже опустошенное управляющими, въ то время крѣпостными людьми. А кто не знаетъ, какъ въ старинное время велись дѣла, особенно у людей богатыхъ! Прежде всего надобно сказать, что въ то время было вообще принято, чтобы дѣти дворянскія служили въ военной службѣ, и родители заставляли своихъ дѣтей служить всю жизнь и выслуживать почести и чины, но вмѣшиваться въ дѣла отца, въ его управленіе или въ управленіе людей крѣпостныхъ, служившихъ десятки лѣтъ, которые отцомъ были на то поставлены въ тѣ времена, Боже сохрани! А эти крѣпостные очень хорошо умѣли пользоваться слабостью своего господина, со всею ихъ видимою преданностью и покорностью, и тѣмъ приобрѣтали довѣріе барина, въ особенности барина уже преклонныхъ лѣтъ; эти дворовые люди, которыми всѣ большіе господа бывали окружены, овладѣвъ полнымъ довѣріемъ своего стараго господина, въ управляемыхъ ими имѣніяхъ, значили гораздо болѣе, чѣмъ самъ господинъ; дворня имѣнія раззоряла и даже, могу сказать, грабила и какъ будто спѣшила все это творить, ибо знала хорошо, что долженъ-же, наконецъ, явиться молодой баринъ. А относительно того, что они дѣлали большія упущенія въ управляемыхъ ими имѣніяхъ,

они нисколько не тревожились. потому что они заручились сильнымъ словцомъ, на какое нельзя было дать никакого возраженія, а именно: „такъ было угодно вашему тятинькѣ“, а гдѣ искать тятиньку, когда его нѣтъ уже на свѣтѣ. А если онъ и былъ въ живыхъ, то старинное время было таково, что какихъ-бы преклонныхъ лѣтъ ни былъ родитель, онъ всегда имѣлъ власть заставить дѣтей замолчать, а это и было крѣпостнымъ людямъ, какъ говорится, на-руку.

Нашъ отецъ болѣе 25-ти лѣтъ не былъ въ принадлежавшихъ ему въ разныхъ губерніяхъ деревняхъ; онъ имѣлъ свой большой домъ въ Москвѣ, постоянно въ немъ проживалъ, окруженный, какъ это водилось въ старину, множествомъ лакеевъ, слѣдствіемъ всего этого было то, что народъ этотъ до того завладѣлъ старикомъ, что къ его крѣпостнымъ людямъ, служившимъ ему по 40 лѣтъ, онъ имѣлъ уже болѣе довѣрія, нежели къ своимъ дѣтямъ.

Вотъ какими образомъ и мнѣ досталось имѣніе совершенно раззоренное и ограбленное; въ деревнѣ я не нашелъ ни дома, никакой усадьбы, ни имущества, какъ это всегда водится у господъ въ деревенскихъ домахъ, ни фамильныхъ портретовъ, ни картинъ, хотя жияши въ этомъ имѣніи ребенкомъ лѣтъ десяти, я очень хорошо помню, что домъ нашъ былъ тогда, какъ говорится, полная чаша. Но увы, дома уже не существовало, а оставалась одна только бывшая контора, гдѣ жилъ старикъ сличкомъ семидесяти трехъ-лѣтній, бывший управляющій, по имени Никифоръ Кузьминъ. Въ конторѣ этой было пять комнать и кое-какая мебель, тоже господская, вѣроятно, перетащенная изъ бывшаго нашего стариннаго дома. А куда все остальное имущество дѣвалось, это только Богу извѣстно. На сдѣланный мною по этому предмету вопросъ Никифору Кузьмину онъ сослался на прежде бывшаго управляющаго этимъ имѣніемъ, нашего-же крѣпостнаго двороваго человѣка Сергія Максимова, тоже старика дрезняго. И такъ какъ его уже не существовало, то этимъ я ограничился мой запросъ. При этомъ я не могу удержаться, чтобы не рассказать довольно любопытнаго и по настоящему времени въ особенности интереснаго обстоятельства: когда я жилъ, какъ выше упомянуто, въ этомъ имѣніи ребенкомъ, семья наша была довольно большая и когда мы садились за столъ, чтобы обѣдать, то въ этой залѣ стояло двадцать два шюпитра и при нихъ двадцать два человѣка своихъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей со смычками и скрипками въ рукахъ, которые составляли домашній нашъ оркестръ и играли во время нашего обѣда; въ числѣ этихъ музыкантовъ этотъ самый Никифоръ Кузьминъ, какъ онъ мнѣ самъ

говорилъ, игралъ вторую скрипку, а Сергій Максимовъ игралъ на волторнѣ. Все это я говорю, вспоминая о томъ, какъ жила въ старину наши дѣды и отцы.

Итакъ, поселившись въ этой конторѣ съ женою и малолѣтними дѣтьми, я началъ сильно призадумываться, какъ быть, какъ начать исправлять имѣніе, какими средствами себя и семью свою устроить. Необходимо было заводить въ имѣніи усадьбу, чтобы разбѣстаться съ женою и съ дѣтьми и необходимую прислугу. Положимъ, прислуги тогда было много, ибо время было крѣпостничества, но мои средства были крайне скудныя; потомъ, когда я началъ входить все болѣе въ разсмотрѣніе хозяйства, оказалось, что имѣніе это было фабричное, запашки было весьма мало. Въ деревнѣ этой находилась суконная фабрика, которая, какъ я узналъ впоследствии, существовала въ имѣніи болѣе шестидесяти лѣтъ, но какая-же это была фабрика, до-потопная, можно сказать, она работала на какого-то купца по условію, сдѣланному съ моимъ отцомъ, и что-же выдѣлывалось на ней: основы изъ присылаемой купцомъ шерсти, ткались ему сукна и потомъ валка сукна производилась на какой-то ступовой валяльнѣ. Я долго не могъ понять, почему эта фабрика, существовавшая столько лѣтъ, не заимствовала никакихъ улучшеній отъ постороннихъ фабрикъ, которыхъ было такъ много въ нашей губерніи, тѣмъ болѣе, что фабричное ремесло въ это время все болѣе и болѣе начинало усовершенствоваться. На запросы, мною дѣлаемые бывшему управляющему этимъ имѣніемъ старику музыканту, онъ мнѣ только и отвѣчалъ, что „такъ угодно было вашему татинькѣ“. А между тѣмъ остальной народъ изъ деревни самъ-же управляющій отпускалъ на заработки на чужія фабрики и потому въ деревнѣ этой почти не было никакого землянаго труда. Купецъ съ нашей фабрики получалъ выработанное кое-какъ сукно, передѣлывалъ его у себя и поставлялъ свои сукна въ казну, ибо въ то время правительствомъ требовалось очень много сукна на войска.

Доставшееся мнѣ имѣніе, ежели бы оно не было такъ раззорено и опустошено бывшими управляющими, было бы очень недурное: мѣстоположеніе его было прекрасное; лѣсу всякаго было очень много, деревня была, такъ сказать, вся окружена лѣсистыми горами и сосновыми рощами. Два большихъ пруда находились въ самой деревнѣ, а третій поменьше за лѣсомъ, запруженные плотинами, и воды было очень много не только для такой фабрики, которая тогда была въ деревнѣ, но и впоследствии, когда моя фабрика была поставлена и преобразована въ настоящую фабрику, съ надлежащими аппаратами для чески шерсти и прядильными машинами для

выработки основъ; первоначально было до пятидесяти становъ; ткали въ ней сукна и вообще фабрика изъ крѣпостнической работы была поставлена на издѣльную такъ, что всѣ аппаратчики, пряжи, присучалки и цѣвочники получали издѣльную плату, что было несравненно выгоднѣе работы крѣпостной. Впослѣдствіи, когда фабрика была еще болѣе увеличена вслѣдствіе большаго требованія суконъ на войска, и тогда воды было очень достаточно для поднятія аппаратовъ и для валки суконъ уже не ступами, но чрезъ цилиндрическія машины. Но при водвореніи моемъ въ деревнѣ я чувствовалъ, что не имѣю ни средствъ, ни достаточно денегъ, чтобы все это завести и чтобы построить первоначально усадьбу для моего житія съ семействомъ, признаюсь, я очень и очень надъ этимъ призадумывался!

Между тѣмъ, при поселеніи моемъ въ деревнѣ, я первымъ долгомъ считалъ обязанностью познакомиться съ моими сосѣдями-помѣщиками, во-первыхъ, потому, чтобы ознакомиться съ дѣломъ для меня, какъ деревенскаго жителя, совершенно новымъ, а во-вторыхъ и потому, что наша фамилія была извѣстна всей губерніи, всѣ знавали не только отца нашего, но и дѣда, какъ однихъ изъ наиболѣе крупныхъ помѣщиковъ, проживавшихъ нѣкогда въ этой губерніи. По этой единственной причинѣ я началъ развѣзжаться съ визитами по помѣщикамъ, сосѣдямъ, а впослѣдствіи являлся знакомиться и въ нашъ губернский городъ, предупреждая однако, что я, поселившись въ своемъ имѣніи, остановился съ семьей своей въ конторѣ за неимѣніемъ въ имѣніи усадьбы. Мнѣ было какъ-то совѣстно не сказать этого потому, что положительно во всей губерніи знали, какъ въ старину живалъ нашъ отецъ въ своихъ владѣніяхъ, какъ онъ потомъ бросилъ всѣ свои имѣнія, купилъ большой домъ въ Москвѣ и въ немъ поселился, предоставивъ въ управленіе ему принадлежащая имѣнія своимъ крѣпостнымъ людямъ, и какъ онъ слишкомъ 25 лѣтъ и не заглядывалъ въ свои владѣнія, а поэтому, небезизвѣстно было тоже, какіе эти управляющіе и приказчики его обворовывали, и потому никого не удивило, что мнѣ досталось имѣніе безъ усадьбы.

Итакъ, знакомясь съ помѣщиками нашей губерніи, я болѣе всего началъ сходиться съ такъ называемыми мелкопомѣстными помѣщиками, изъ коихъ многіе не только жили по близости меня, но даже въ одномъ селѣ со мной, за рѣчкой и эта сторона ихъ такъ и называлась тогда дворянскою стороною потому, что они всѣ были дворяне, только бѣдные, мелкопомѣстные и многіе изъ ихъ дѣтей служили большею частію въ армейскихъ полкахъ офицерами, а иные

чиновниками въ уѣздныхъ и другихъ судахъ. Всѣ эти старыя и пожилые наши сосѣди, всѣ знали насъ, когда мы были еще дѣтьми и съ отцомъ жили въ этомъ имѣніи. Они были очень довольны моимъ поселеніемъ въ этой деревнѣ и не проходило дня, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не навѣщалъ насъ. Я самъ съ женою бывалъ у нихъ и еще чаще приглашалъ ихъ къ себѣ въ контору. Вотъ тутъ-то мы съ женою до поздней ночи, бывало, заслушиваемся ихъ разсказовъ про старину. Разсказы ихъ, дѣйствительно, имѣли большой интересъ: они намъ передавали, какъ эти старыя, какъ они называли, столбовые дворяне-помѣщики жила въ своихъ владѣніяхъ. Натурально, въ разсказахъ о житіи этихъ столбовыхъ дворянъ въ своихъ деревняхъ можетъ быть было много тогда и отталкивающаго, однако, все же тѣ, которыхъ мелкопомѣстные называли столбовыми дворянами, всѣ были тогда господа и бояре.

Среди всѣхъ этихъ интересныхъ разсказовъ зашелъ однажды разговоръ, касавшійся до меня собственно, до моего водворенія въ имѣніи, который далъ мнѣ, такъ сказать, толчекъ къ тому, чтобы приступить скорѣе къ исправленію моихъ владѣній, къ приведенію въ порядокъ моего села, ибо эти добродушные ближайшіе мои сосѣди утверждали, что имѣніе, въ которомъ я нахожусь, золотое дно, къ которому только приложить бы руки. Они съ такимъ участіемъ относились къ намъ, что я этого достаточно передать не могу; они вынудили меня, наконецъ, сознаться, что я не имѣю ни средствъ, ни возможности къ тому, чтобы привести свое имѣніе въ должный порядокъ, и что я не имѣю даже достаточнаго капитала для того, чтобы построить себѣ порядочную усадьбу.

Не успѣлъ я высказать всего этого, какъ одинъ изъ моихъ сосѣдей, человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, вскочилъ съ своего мѣста какъ будто ужаленный; подошелъ ко мнѣ ближе и какъ-то вопросительно произнесъ:

— „Вы не имѣете въ наличности капитала, а вашъ лѣсъ, развѣ это не капиталъ?“ и тотчасъ присовокупилъ: „конечно, вамъ его продавать на срубъ невозможно, потому что здѣсь нѣтъ сплавной рѣки; а до губернскаго города слишкомъ 80 верстъ, но съ этимъ самымъ лѣсомъ вы можете сдѣлать для себя очень хорошія дѣла; посмотрите сколько въ одномъ нашемъ уѣздѣ имѣется винокуренныхъ заводовъ и всѣ до единого нуждаются въ дубовыхъ доскахъ для дѣланія бочекъ подъ сниртъ, а у васъ, этого добра, т. е. дубовъ въ лѣсѣ, не есть конца. Вы можете поставять заводчикамъ дубовыя доски очень выгодно и на наличныя деньги и вотъ явится вамъ и капиталъ для постройки хорошей усадьбы и для фабрики, которую, какъ вы говорили, желали бы имѣть въ настоящемъ видѣ“.

Такая смекалка старика, указавшаго мнѣ, какъ извлечь выгоду изъ лѣса, не приносящаго помѣщику никакого дохода, меня крайне удивила и заставила меня вступить съ нимъ въ болѣе подробныя объясненія. Онъ мнѣ указалъ на очень многіе винокуренные заводы, а вмѣстѣ съ тѣмъ посовѣтывалъ обратиться первоначально къ одному изъ винокуренныхъ заводчиковъ, наиболѣе извѣстному по акуратному веденію дѣла и по богатству—то былъ Як. Вас. Сабуровъ,—былъ помѣщикъ также стараго дворянскаго рода; по совѣту моего мелкопомѣстнаго сосѣда, я сдѣлалъ Я. В. Сабурову визитъ, былъ у него въ деревнѣ, версты за тридцать съ тѣмъ-нибудь отъ меня, и ночевалъ у него; онъ меня истинно очаровалъ своимъ обращеніемъ; онъ очень любилъ, когда его навѣщали, и очень сочувствовалъ тѣмъ, кто служилъ въ военной службѣ, очень часто заводилъ рѣчь о военной службѣ вообще, но всегда, какъ мнѣ казалось, считалъ за собою какъ бы первенство стараго служиваго гусара кореннаго. Я былъ также очарованъ всею его обстановкою, правда, что онъ былъ очень богатъ, но мало-ли на свѣтѣ людей очень богатыхъ, между тѣмъ, не всякій умѣетъ, въ особенности въ настоящее время, такъ сохранить свое достоинство, свое барство и чувствовать себя тѣмъ дворяниномъ, какимъ онъ родился, не каждый это сохраняетъ.

Познакомившись ближе съ этимъ сосѣдомъ заводчикомъ, я сталъ часто къ нему ѣздить. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно гостепріимный, любилъ принимать у себя и всегда угощалъ прекрасно. У него былъ прекрасный поваръ; обѣдъ всегда отличный, хорошія вина, а послѣ обѣда и вечеромъ наливочки и водички разныхъ сортовъ. Сервировка и прислуга тогдашняя крѣпостная у него была отмѣнная. Эта крѣпостная прислуга содержалась тогда у нѣкоторыхъ дворянъ далеко не по крѣпостничеству и была одѣта всегда превосходно.

Посѣщая частенько уважаемаго мною сосѣда, старика Сабурова, я выбралъ удобное время и предложилъ ему поставлять на его винокуренный заводъ, изъ моего лѣса, дубовыя доски для бочекъ подъ спиртъ. Онъ былъ очень доволенъ этимъ предложеніемъ, потому что ему хорошо было извѣстно лѣсистое имѣніе, которое мнѣ досталось послѣ отца. Не помню уже, знавалъ-ли Сабуровъ моего отца лично, ибо онъ долгое время находился на военной службѣ, отецъ мой тоже служилъ въ военной службѣ, и хотя не былъ кореннымъ гусаромъ, но долженъ былъ ихъ помнить, потому что онъ былъ екатерининскимъ генераломъ.

По сдѣланному мною предложенію сосѣдъ мой велѣлъ тотчасъ позвать своего управляющаго; они опредѣлили сообща размѣры каждой дубовой доски и вычислили количество досокъ, которыя

должны были составить, какъ они называли, осто́въ одной бочки. Такого количества и такого размѣра доски я и долженъ былъ доставлять изъ моего лѣса на ихъ заводъ, а бочки они уже сколачивали у себя на заводѣ.

Съ такими чертежами я уѣхалъ къ себѣ въ деревню. По прошествіи нѣкотораго времени моими плотниками было наколото дубовыхъ досокъ соотвѣтствующаго размѣра, кажется, на пять осто́вовъ или на пять бочекъ, которыя, какъ образецъ, были отправлены на винокуренный заводъ моего сосѣда. Онъ этими досками остался очень доволенъ и съ моимъ посланнымъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ приглашалъ меня обѣдать и поторопиться пріѣхать, съ тѣмъ, чтобы уже по уговору ѣхать вмѣстѣ въ губернский городъ, для совершенія законнаго условія или контракта.

Какое количество осто́вовъ для бочекъ я обязывался поставять на заводъ моего сосѣда, я теперь хорошенько припомнить не могу, потому что вскорѣ послѣ того я сдѣлалъ и съ другими помѣщиками подобныя условія поставять и на ихъ винокуренные заводы такіе-же осто́ва, помню только, что я обязывался поставять на его заводъ осто́ва въ назначенные сроки, по шести рублей за осто́въ, считая на ассигнаціи, ибо долгое время въ деревенскихъ конторахъ, въ особенности съ крестьянами, всѣ расчеты велись на ассигнаціи.

Порѣшивъ этотъ вопросъ окончательно, мой сосѣдъ призвалъ своего заводскаго писаря и велѣлъ ему написать черновое между нами условіе. Я. В. Сабуровъ былъ человѣкъ очень опытный и практичный и какъ я узналъ впоследствии, онъ занимался нѣкогда откупамъ, цѣлую губернію держалъ на откупъ и будто-бы отъ этого такъ и разбогатѣлъ. Въ составленномъ условіи было сказано, что исправность моей доставки я гарантирую всѣмъ моимъ имѣніемъ; а онъ обязуется выдать мнѣ подъ работу въ задатокъ 30,000⁰⁰ рублей, тоже на ассигнаціи; съ этимъ черновымъ условіемъ мы вмѣстѣ отправились въ его коляскѣ въ губернский городъ, и такъ какъ въ то время не было еще въ губерніяхъ желѣзныхъ дорогъ, то въ его коляскѣ мы доѣхали только до первой станціи, потомъ взяли почтовыхъ лошадей, ибо до губернскаго города считалось слишкомъ 80 верстъ. Въ губернскомъ городѣ, въ продолженіе двухъ дней, мы совершили законный контрактъ и я съ 30,000 рублей въ карманѣ возвратился къ себѣ въ имѣніе.

Пріѣхавъ домой съ деньгами, я гораздо смѣлѣе и увѣреннѣе пустился въ мои хозяйственныя предпріятія. Стоитъ только начать, а тамъ нашлись тотчасъ и сподручные, и умѣлые люди на все, и дѣло мое пошло въ ходъ.

Одновременно у меня въ деревнѣ начались всѣ работы въ лѣсу: ✓рубка дубовъ и выдѣлка изъ нихъ досокъ для постановки остововъ на заводъ, потомъ постройка усадьбы, но не на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ нашъ домъ, въ которомъ мы жили дѣтьми, а я и жена выбрали другое, болѣе возвышенное мѣсто, на горѣ. Затѣмъ, по мѣрѣ увеличивавшагося тогда требованія правительствомъ для войскъ суконъ, я рѣшился, изъ доставшейся мнѣ при имѣніи донотонной фабрики, преобразовать и сдѣлать настоящую суконную фабрику; это рѣшеніе было принято мною оттого, что въ этомъ имѣніи изстари не было никакой запашки, народъ все былъ фабричный, который управляющими былъ отпускаемъ на заработки на чужія фабрики, и имѣніе безъ фабричнаго производства не приносило никакого дохода. Я смѣло могу сказать, что въ имѣніи этомъ все, что есть теперь, создано мною, я нашелъ, такъ сказать, пустырь и застроилъ его, я основалъ настоящую суконную фабрику; изъ принципа крѣпостнаго я перевелъ фабрику на коммерческій, за издѣльную плату каждому рабочему; свой народъ бросилъ всѣ чужія фабрики и пришелъ работать домой; работа у меня, какъ говорится, закипѣла. Народъ вздохнулъ отъ самоуправства надъ ними ихняго-же брата управляющаго и приказчика, которые за одно обворовывали и своего барина, и грабили крестьянъ, а тутъ каждый мальчуганъ-цѣвочникъ зарабатывалъ копейку и несъ ее въ домъ.

Скоро, какъ говорятъ, сказка сказывается, да не вдругъ дѣлается. Проходили годы за годами моей дѣятельности въ деревнѣ; при этомъ, ежели-бы я былъ опытенъ или попалъ-бы на готовое, какъ это бываетъ у многихъ послѣ ихъ родителей, а не на разоренное и опустошенное имѣніе, дѣло могло-бы идти успѣшнѣе; къ тому-же подобная работа, какъ хозяйство въ имѣніи, не вдругъ дается тому, кто съ раннихъ лѣтъ надѣлъ амуничку. Такимъ образомъ проходили годы и чуть-ли уже не десять слишкомъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ деревнѣ; я невольно усердствовалъ и трудился, ибо дѣти подрастали, оказывалась необходимость ихъ воспитывать и воспитывать соответственно ихъ рожденію. Надобно было выписывать иностранныхъ гувернеровъ, гувернантокъ и учителей, независимо отъ тѣхъ русскихъ наставниковъ, которые уже находились при нихъ въ деревнѣ. Все это требовало большихъ денежныхъ тратъ, большихъ расходовъ, а потому и усиленнаго труда и старанія пріобрѣтать побольше дохода съ имѣнія. Я не могъ, впрочемъ, жаловаться на то, чтобы моя работа не шла въ то время какъ должно, напротивъ, не смотря на весьма скудные свои средства, я, безъ посторонней помощи, прибавилъ пахатной

земли къ тому, что я нашель въ имѣніи, и завель нѣкоторое скотоводство. Затѣмъ, преобразованная мною суконная фабрика работала недурно, была доведена до ста ткацкихъ становъ, которые вырабатывали сукна, и сукна эти комиссаріатскою комиссіею принимались хорошо и надобно было вести дѣло помаленьку да потихоньку. Но человекъ ничѣмъ не бываетъ доволенъ, въ особенности, когда усиливаются потребности жизни, а тѣмъ болѣе въ молодые годы! Я и жена моя, мы оба были тогда молоды, познакомившись со всѣми въ губерніи и бывая въ нашемъ губернскомъ городѣ, мы сошлись съ кругомъ высшаго общества еще болѣе потому, что очень многіе изъ старинныхъ помѣщиковъ этой губерніи очень хорошо и коротко знавали не только моихъ родителей, но весь нашъ родъ. Слѣдовательно, могъ-ли я отставать въ чемъ-либо отъ другихъ, могъ-ли я не оплачивать тѣмъ-же гостеприимствомъ, какимъ мы сами ото всѣхъ пользовались! Поэтому я вынужденнымъ былъ иные годы, со всѣмъ семействомъ, проживать зиму въ губернскомъ городѣ, для чего купилъ даже въ городѣ для насъ порядочный домъ и, кромѣ того, былъ обязанъ принимать гостей у себя. А то время было совсѣмъ иное, тогдашнее дворянство жило по-барски, а мнѣ самому развѣ возможно было себя переназначить? Все это заставляло меня дѣлать страшные расходы, которые могли покрываться только большимъ доходомъ съ имѣнія, а чтобы имѣть болѣе дохода, необходимо было усилить работу фабричную, ибо единственный хорошій доходъ съ этого имѣнія могъ быть только отъ большей выработки сукна на фабрикѣ, ибо запашки, отъ которой имѣніе могло-бы давать доходъ, какъ я выше сказалъ, совсѣмъ не было, въ фабричномъ-же дѣлѣ, какъ извѣстно всякому фабриканту, чѣмъ болѣе у него фабричной работы, тѣмъ ему выгодыше и болѣе дохода.

Зная, что въ это время правительство чуть не навязывало фабрикантамъ поставку суконъ, вслѣдствіе большаго требованія сукна на войска, и зная, что моя фабрика можетъ выработать гораздо большее количество сукна, чѣмъ то, которое я поставляю въ казну, я началъ съ своей стороны хлопотать въ департаментѣ мануфактуръ и внутренней торговли о томъ, чтобы и на мою фабрику назначалась поставка сукна въ большемъ размѣрѣ. Все это могло очень легко осуществиться, только съ меня требовалось представить въ казну болѣе залога въ обезпеченіе исправной поставки заподраженнаго вновь количества сукна; а у меня не было никакихъ другихъ залоговъ, какъ только тѣ, которые мною уже были представлены, поэтому воспользовавшись моими хорошими отношеніями къ

помѣщикамъ и нѣкоторымъ изъ фабрикантовъ, я началъ набирать у нихъ залого. Эта операція имъ самимъ была не безъ выгоды, потому что они получали извѣстные проценты, но между тѣмъ своими залогомъ они гарантировали мою фабричную работу. Эти залого заключались въ цѣнныхъ государственныхъ бумагахъ или въ имѣніяхъ, которыя они представляли временно въ казну, въ обезпеченіе выработки на моей фабрикѣ вновь заподряженного сукна, которое должно было быть сдано въ годичный срокъ въ казну. Мнѣ самому и моимъ залогодателямъ никогда не могло придти на мысль, чтобы они могли полатиться своими залогомъ за неисправность моего фабричнаго производства. Къ тому-же они знали, что въ это время казна относилась очень снисходительно къ фабрикантамъ и, въ случаѣ какихъ-либо неисправностей на фабрикѣ, всегда давала отсрочки. Правда и то, что меня и многихъ другихъ тревожила мысль, что въ деревняхъ постройки и особенно деревянные зданія въ то время не принимались на застрахованіе. Но всѣ представившіе за меня свои залого и большая часть бывавшихъ у меня помѣщиковъ видѣли, какіе были тогда распорядки въ моемъ имѣніи. Въ то время порядокъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ и селахъ у помѣщиковъ заботливыхъ былъ несказанный; острастка невыразимая, не только всѣ крестьяне сообща, но каждый другъ друга оберегалъ и караулил. Всѣ видѣли тогда мою фабрику въ полномъ ходу и тотъ порядокъ, который существовалъ, какъ днемъ, такъ и ночью. Такимъ образомъ моя фабрика нѣсколько лѣтъ работала усиленно, при помощи постороннихъ залоговъ, представленныхъ въ казну, и по окончаніи года эти залого возвращались по принадлежности.

Вдругъ произошелъ пожаръ на фабрикѣ. И гдѣ-же загорѣлось? Въ одномъ изъ самыхъ важныхъ мѣстъ на фабрикѣ, именно въ самомъ большомъ аппаратномъ корпусѣ, гдѣ находилось большое число чесальныхъ и прядильныхъ машинъ, суконная валка, цѣлый запасъ шерсти на суточную работу и не сданные еще въ ткацкіе корпуса основы и утокъ! Пожаръ приключился отъ желѣзныхъ трубъ, которыя издавна были протянуты отъ печей, вдоль по срединѣ машиннаго корпуса, а такъ какъ фабрика всегда пропитана масломъ и саломъ, смазывающимъ машины, то въ одинъ моментъ все это вспыхнуло, все занялось и пламенемъ охватило весь корпусъ, такъ что этого описать невозможно. Пожарище сдѣлалось страшное, ужасъ невыразимый. Народъ выскакивалъ изъ фабрики, съ воплями отчаянія—кто изъ дверей, кто изъ оконъ; ударили въ колокола набатъ, народъ толпами бѣжалъ по улицѣ и ужасъ охватилъ всѣхъ несказанный, неслыханный! По первому набату всѣ сто

ткацких становъ вмигъ были брошены; всѣ ткачи высочили изъ корпусовъ и бросались къ пожару, даже изъ сосѣднихъ деревень, но продолжительному набату, сбѣгался народъ. Переполохъ и ужасъ деревенскаго пожара передать трудно.

Не взирая на имѣющіяся при фабрикѣ двѣ пожарныя трубы, не было возможности заливать водою то мѣсто, которое было охвачено страшнымъ пламенемъ, ни одинъ человѣкъ не могъ приблизиться къ горѣвшему корпусу. Трескотня пылавшаго зданія, валившій сгустившимися черными клубами дымъ, ужасъ, охватившій все населеніе, шумъ, крикъ народа, все это произвело такой, всеобщій переполохъ, который не подлежитъ никакому описанію. Машинный корпусъ сгорѣлъ до тла, а съ нимъ и все въ немъ находившееся; убытокъ оказался страшный и до того мною непредвидѣнный, что я однимъ днемъ очутился раззореннымъ въ конецъ.

Въ этомъ страшномъ бѣдствіи нашъ православный народъ выказалъ сверхъестественное усердіе и усиліе для спасенія всего погибающаго. Какъ они пренебрегали собою, какъ рисковали своею жизнью, чтобы отнять хотя что-либо у безпощаднаго, всепожирающаго пламени! А непритворное сожалѣніе, которое тогдашній крѣпостной людъ выказалъ мнѣ и всему моему семейству, не только въ этотъ бѣдственный день, но и позднѣе, глубоко-искренно соблѣзнуя о постигшемъ насъ несчастіи!

На другой день пріѣхали изъ города чиновники уѣзднаго суда и, по засвидѣтельствованіи бѣдствія мѣстною полиціею, было донесено о томъ губернатору, а затѣмъ въ ту комиссію, куда я поставлялъ сукна, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, съ которыми фабриканты заключали контракты на поставку суконъ. По засвидѣтельствованію начальникомъ губерніи, департаментъ выдалъ на фабрику мою отсрочку на восемь мѣсяцевъ, для окончательной поставки заподраженнаго мною сукна.

Ни на другой, ни на третій день нельзя было еще приступать къ чему-либо, такъ какъ на мѣстѣ пожара оставалось много горячаго угля, покрытаго пепломъ. Когда онъ былъ залитъ водою, то мой бурмистръ и староста, почти безъ моего вѣдома, начали всѣмъ міромъ расчищать то мѣсто, гдѣ былъ пожаръ, и исправлять разобранную крышу и часть стѣнъ втораго, но гораздо меньшаго аппаратнаго корпуса, который народъ могъ легче отстоять, потому что онъ находился ближе къ водянымъ колесамъ. Изъ него были вытащены почти въ цѣлости аппараты, равно и другія машины и соотвѣтствующія принадлежности, основы и утокъ, но прядильныя машины были частью переломаны.

И самъ едва могъ опомниться отъ постигшаго меня бѣдствія. Конечно, моею первою мыслию было скорѣйшее исправленіе всего, такъ какъ я зналъ, что департаментъ дастъ отсрочку; во-вторыхъ самое главное было воздвигнуть новое строеніе для фабрики и пустить ее въ ходъ, ибо единственно чрезъ выработку сукна я могъ поправиться въ этомъ имѣніи. Необходимо было достать съ другихъ фабрикъ хотя-бы подержанныя придильныя машины, чтобы въ маломъ видѣ фабрика продолжала работать и чтобы народъ не оставался безъ дѣла... Между тѣмъ, чрезъ контору мою завелась переписка съ нѣкоторыми изъ московскихъ фабрикантовъ, относительно покупки машинъ и вообще всего того, что погубло на пожарѣ, и это происходило въ то время, когда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ; замедленіе во всемъ оказывалось страшное, а ко всему этому, просимыя цѣны за покупку и доставку изъ Москвы ко мнѣ въ деревню машинъ и всего нужнаго были такъ велики, что я не былъ въ состояніи ихъ уплатить. Я находился въ сокрушеніи невыразимомъ, я чувствовалъ всю свою немощь, въ которую я вдругъ впалъ, вслѣдствіе постигшаго меня несчастія...

Но что всего было ужаснѣе и чего не испытывшій на себѣ не можетъ достаточно представить—это отношеніе людей, которые вдругъ такъ скоро измѣняются, что изъ пріятелей дѣлаются врагами. Тѣ самые люди, которые, бывало, такъ любезно, такъ охотно дѣлали для меня всякаго рода одолженія, внезапно прервали со мною всякое даже доброе отношеніе и все это вслѣдствіе случившагося со мною бѣдствія.

Мои залогодатели, не чаявшіе уже моего поправленія послѣ такого погрома, не разбирая ничего, не сообразивъ, обратились въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли и просили возвращенія имъ залоговъ, которые они представили за мою фабрику. Очень натурально, что департаментъ въ этомъ имъ отказалъ и въ добавокъ присовокупилъ, что ежели по данной мнѣ восьми-мѣсячной отсрочкѣ моя фабрика не выставитъ заподраженнаго казною сукна, тогда они заплатятъ своими залогоми. Получивъ такое извѣщеніе изъ департамента, они грозно обратились ко мнѣ, требуя немедленнаго обезпеченія ихъ залоговъ моимъ имѣніемъ. Но я не могъ этого сдѣлать собственно потому, что какъ имѣніе мое, такъ и фабрика, все уже находилось въ залогѣ въ казнѣ по заподраженному мною съ департаментомъ контракту на поставку суконъ.

Послѣ всего этого я очутился въ самомъ критическомъ положеніи. Меня страшно тревожило еще то, что за неимѣніемъ средствъ пріобрѣсти изъ Москвы аппараты и прочія машины я не въ состояніи

буду пустить мою фабрику полнымъ ходомъ, а потому и фабрика не можетъ выработать въ восьми-мѣсячный срокъ загодяреннаго сукна. Это приводило меня въ полное отчаяніе, мое положеніе оказывалось безвыходнымъ. Я сталъ бросаться во всѣ стороны, отыскивая кого-либо кто оказалъ-бы мнѣ содѣйствіе. Нѣкоторые изъ фабрикантовъ могли-бы, между прочимъ, выставить за меня съ своихъ фабрикъ сукна въ комиссію,—это было-бы для нихъ выгодно, а мнѣ, конечно, ущербъ, но по крайней-мѣрѣ это успокоило-бы моихъ залогодателей. Нѣтъ, видно въ этихъ случаяхъ, когда бѣда идетъ за бѣдой, ничто не удается; всѣ отказались подѣ предлогомъ, что своихъ поставокъ сукна много и нѣтъ времени всего выработать по сдѣланному заказу.

III.

Вотъ уже, когда не куда было дѣваться, когда я не зналъ, что дѣлать, къ кому прибѣгнуть, я и вспомнилъ, что десять лѣтъ тому назадъ, когда я служилъ еще въ гвардіи и переходилъ изъ гвардіи въ армію, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ при представленіи моемъ, по случаю перевода въ армію, былъ ко мнѣ особенно милостивъ. Великій князь въ тотъ знаменательный для меня день, разспросивъ меня о причинахъ моего перехода въ армію, о моихъ домашнихъ обстоятельствахъ, осчастливилъ меня, давъ мнѣ право писать ему ежели со мною приключится какое-либо несчастіе. Мнѣ казалось, что несчастливѣе теперешняго моего положенія быть не можетъ. Но его высочество, наслѣдникъ, былъ уже всероссійскимъ императоромъ.

Боже мой, когда подумаешь, какія въ мірѣ бываютъ съ людьми обстоятельства! Ну, какъ рѣшиться, какъ осмѣлиться, мнѣ, простому смертному утруждать государя, обратиться прямо къ нему, изложивъ всѣ свои дѣла и обстоятельства.

Въ этой душевной тревогѣ, въ этомъ сокрушеніи сердечномъ я присѣлъ къ своему письменному столу и началъ додумываться!—Голова моя была до того воспалена, что я, не давая себѣ никакого отчета, взялъ листъ бумаги и написалъ:

„Ваше императорское величество всемилостивѣйшій государь, повергая себя и семейство мое къ стопамъ вашего величества, я умоляю васъ, государь, осчастливить меня вашимъ вниманіемъ.“

Въ 1846 году, когда в. в. были великимъ княземъ и наслѣдникомъ цесаревичемъ и въ тотъ годъ начальствовали всею гвардейскою пѣхотою, я имѣлъ счастье представляться вашему тогда императорскому высочеству, по случаю

моего перевода изъ гвардіи въ армію. Въ тотъ знаменательный для меня день и. в. изволили меня осчастливить дозволеніемъ и дали мнѣ право писать прямо къ вамъ, въ случаѣ могущаго быть со мною несчастія“.

Вотъ какое было начало моего письма къ государю Александру Николаевичу. Потомъ, въ этомъ письмѣ, я изложилъ государю и подробно описалъ бѣдствіе, которое меня постигло, а такъ какъ я былъ законтрактованъ съ казною на поставку суконъ въ войска и фабрика моя сгорѣла и я понесъ страшные убытки, то, будучи обязанъ выставить заподряженное количество сукна на войска, я собралъ послѣднія крохи и началъ уже постройку новой суконной фабрики, пользуясь выданною мнѣ восьми-мѣсячною отсрочкою. Но пустить фабрику въ ходъ безъ необходимыхъ машинъ и матеріала я безъ денежной помощи не въ состояніи, почему умоляю государя сдѣлать мнѣ благодѣяніе, разрѣшить министру финансовъ ссудить подъ мою фабрику изъ министерства финансовъ сорокъ тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы изъ каждой моей поставки сукна въ комиссію, изъ слѣдующихъ мнѣ за сукно изъ казны денегъ, комиссія удерживала-бы назначенную часть въ уплату выданной мнѣ ссуды, присовокупивъ, что одна только эта монаршая милость можетъ спасти меня.

Написавъ такое письмо къ царю, въ волненіи невыразимомъ, я его показалъ женѣ моей. Она бѣдная находилась въ страшно разстроенномъ состояніи отъ постигшаго насъ бѣдствія. Послѣ того я сверучно переписалъ это письмо и мы перекрестившись отправили его въ Петербургъ на имя государя; этимъ мы себя отчасти какъ-бы успокоили. Въ это время въ губерніяхъ никакихъ желѣзныхъ дорогъ еще не существовало, поэтому медленность въ полученіи писемъ казалась ужасною, въ особенности когда необходимость заставляетъ нетерпѣливо ожидать какого-либо результата, а отъ моего имѣнія до Петербурга считалось 1,500 верстъ, ежели не болѣе. Ко всему этому, какъ я узналъ впоследствии, мое письмо государю прежде всего должно было идти въ комиссію прошеній, гдѣ оно распечатывалось, изъ него дѣлался экстрактъ, который министромъ докладывался государю, и рѣшеніе сообщалось просителю.

Между тѣмъ недавнее еще воцареніе государя императора, тогдашнее положеніе дѣлъ государства послѣ севастопольской войны, многотрудныя занятія государя по принятіи имъ государственнаго правленія, конечно, все это еще менѣе могло способствовать тому, чтобы государь императоръ обратилъ особенное вниманіе на одного изъ его подданныхъ, вопіющаго по своему собственному дѣлу. И при томъ надо было знать какъ докладъ этотъ будетъ сдѣланъ. Все это тогда-же не могло не придти мнѣ на мысль и потому одно

лишь замедленіе въ полученіи отвѣта на поданное мною прошеніе государю приводило меня въ трепетъ.

Наконецъ, послѣ долгаго промедленія, я получаю вдругъ казенный пакетъ съ печатью министерства финансовъ. Какъ могу я теперь передать то, что я тогда чувствовалъ и ощущалъ, имѣя въ рукахъ конвертъ, въ которомъ заключалось рѣшеніе участи моей и всей моей семьи. Не сразу рѣшился я вскрыть этотъ конвертъ; наконецъ, послѣ нѣкотораго колебанія, я сорвалъ министерскую печать и прочиталъ: „сего числа я имѣлъ счастье входить съ докладомъ государю императору о просимой вами ссудѣ подъ сукопную вашу фабрику сорока тысячъ рублей, но высочайшаго соизволенія по письму вашему не послѣдовало“. И затѣмъ ничего болѣе, никакихъ объясненій.

Съ первыхъ строкъ письма министра финансовъ о результатѣ, послѣдовавшемъ по моему письму государю, я едва не выронилъ изъ рукъ бумаги. Видя конецъ всему, я обомлѣлъ до того, что на меня напалъ столбнякъ; одно только дружеское участіе нынѣ уже покойной жены моей привело меня въ разумъ. Ея увѣщанія, подаваемые ею надежды меня образумили и привели мои чувства въ нѣкоторое успокоеніе; опять явилась надежда; это чувство, мнѣ кажется, никогда не покидаетъ человѣка, я полагаю, что за минуту до смерти человѣкъ все еще надѣется на что-то.

Мы съ женою тутъ только и вспомнили, что у нея была родная тетка, Варвара Егоровна Панина, а мужъ этой тетки, Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ, въ то время занималъ очень высокій постъ; они оба проживали въ Петербургѣ и оба насъ очень любили; слѣдовательно, не было-ли болѣе смысла, прежде чѣмъ писать мнѣ государю, или, по крайней мѣрѣ, въ одно и то-же время, обратиться къ дядѣ Абраму Сергѣевичу Норову, который своими связями съ высокопоставленными лицами и министрами могъ-бы мнѣ быть очень полезнымъ. Но что дѣлать, русскій человѣкъ, какъ говорить пословица, заднимъ умомъ крѣпокъ!

Между тѣмъ, оставаться долѣе въ томъ положеніи, въ какомъ я очутился, мнѣ было невозможно; поэтому, не взирая на отказъ министра финансовъ, мнѣ сообщенный, я рѣшился вторично умолять государя письмомъ умиласердиться надъ моимъ безвыходнымъ положеніемъ. Въ эту минуту я находился въ такомъ отчаяніи, что я твердо рѣшилъ, что ежели по этому второму письму къ государю я получу отъ министра финансовъ такое-же сообщеніе, то, собравъ послѣднія крохи, я поѣду въ Петербургъ самъ, паду къ стопамъ государя и лично буду его умолять о помощи, и дѣйствительно, мнѣ тогда ничего не оставалось болѣе дѣлать.

По прошествіи двухъ слишкомъ недѣль съ полученія мною отъ дяди письма, я получаю опять казенный пакетъ изъ министерства финансовъ и опять съ министерскою печатью. Это было второе извѣщеніе меня министромъ финансовъ о томъ, что по письму моему государю—высочайшаго соизволенія не послѣдовало. Но это извѣщеніе я принялъ равнодушіемъ, потому что я твердо уже рѣшился идти прямо къ государю и умолять его лично. Сознаюсь откровенно, эта рѣшимость и, могу сказать, смѣлость происходила отъ того, во-первыхъ, что я зналъ государя съ юношескихъ лѣтъ. съ 1831 года, когда я самъ только-что поступилъ въ военную службу, въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, а во-вторыхъ, еще болѣе и потому, что не только я одинъ, но мы всѣ тогда неоднократно испытывали на себѣ невыразимыя милости великаго князя наследника цесаревича, когда его высочество былъ начальникомъ всей гвардейской пѣхоты, а мы, уже офицерами гвардіи, и нѣкоторые изъ насъ командирами ротъ въ своихъ полкахъ: все это меня обнадеживало.

Такимъ образомъ, собравъ послѣднія свои крохи, я оставилъ жену и дѣтей въ деревнѣ, а самъ отправился въ Петербургъ съ сильно настроеннымъ воображеніемъ и въ полной надеждѣ видѣть государя и лично его просить спасти меня съ семействомъ отъ предстоящей намъ гибели. Какъ я увижу въ Петербургѣ государя? вотъ что мнѣ вдругъ пришло въ голову. Какъ я могу быть допущенъ къ нему? Если-бы я съ такою просьбою обратился къ кому-нибудь, то прежде всего меня всякій сочтетъ рехнувшимся. Всѣ эти мысли не приходили мнѣ въ голову въ деревнѣ; когда я теперь объ этомъ вспомню, я самъ ужасаюсь, стало быть я ѣхалъ въ Петербургъ такъ, наобумъ. Что-же руководило мною? Развѣ одно отчаянное мое положеніе... Но можетъ-ли отчаяніе руководить на доброе? нѣтъ, это, видно, было внушеніе свыше. Однимъ словомъ, такъ или иначе, но только всѣ эти мысли явились въ головѣ моей уже тогда, когда я пустился въ дорогу. Сколько времени я ѣхалъ изъ деревни до Москвы на лошадахъ, я этого теперь не могу вѣрно сказать: желѣзныхъ дорогъ еще не было, время было осеннее, приближался ноябрь мѣсяцъ, а сухопутныя наши дороги и до сего времени въ губерніяхъ не блистательныя. Изъ Москвы я покатылъ уже по желѣзной дорогѣ до Петербурга. До отъѣзда изъ деревни я рѣшилъ съ женою остановиться въ Петербургѣ непременно у дяди и у тетки,—Норовыхъ—не взирая на то, что я ихъ не предупредилъ о моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ.

IV.

Я прїѣхалъ въ Петербургъ около двухъ часовъ дня и съ вокзала направился прямо къ Норovýmъ; они жили въ домѣ министерства народнаго просвѣщенія, у Чернышева моста. Дядю моего, Абрама Сергѣевича Норова, я не засталъ дома; онъ былъ въ этотъ день въ государственномъ совѣтѣ и, признаться, я этому былъ очень радъ. Но тетушка находилась дома и отъ неожиданности и отъ радости видѣть меня она всполошилась. Надо правду сказать, она насъ очень любила, въ особенности жену мою.

Мнѣ тотчасъ, по приказанію тетушки, отвели въ нижнемъ этажѣ этого большого дома не то что комнату, но апартаменты, нѣсколько комнатъ, и дали прислугу. Эта добрѣйшая тетушка была прекрасная женщина; она встрѣтила меня чуть не со слезами, крайне соболѣзновала о случившемся съ нами несчастіи, много расспрашивала о состояніи жены моей вслѣдствіе постигшаго насъ горя, о дѣтихъ моихъ, объ ихъ воспитаніи; понимая наше скверное въ настоящее время положеніе, видно было, что о насъ она очень сокрушается. Меня это очень тронуло и я рѣшился быть съ ней совершенно откровеннымъ. Послѣ многихъ вопросовъ и разговоровъ о нашихъ дѣлахъ я объявилъ ей прямо, что мое настоящее положеніе до того безвыходно, что я твердо рѣшился пасть предъ государемъ и лично его умолять о спасеніи меня и всего моего семейства, ибо мнѣ и семьѣ моей предстоить положительная гибель, а тамъ будь что будетъ. Тетушка пришла въ ужасъ, но какъ женщина умная тотчасъ поняла, что положиться болѣе мнѣ теперь не на кого, что не найти мнѣ человѣка, который-бы въ такой скорби могъ принять искреннее участіе—помочь мнѣ въ эту минуту; она залилась слезами!

Когда мы оба поуспокоились, она начала много говорить мнѣ про своего мужа, что онъ искреннее принимаетъ въ пасть участіе и очень, очень сожалеетъ, что они сами не въ состояніи намъ матеріально помочь, а что касается до его содѣйствія, какъ человѣка, имѣющаго большое значеніе въ служебной сферѣ, онъ во всѣхъ случаяхъ готовъ помочь мнѣ, но на этотъ разъ, такъ какъ я лично, не предупреждая никого, обратился съ письмомъ прямо къ государю, то ему, Абраму Сергѣевичу, крайне стѣснительно ходатайствовать по моему дѣлу по двумъ причинамъ: во-первыхъ, не безызвѣстно, что онъ со мной въ родствѣ, а во-вторыхъ, будучи съ министромъ финансовъ, по служебному положенію, равнымъ и зная хорошо нынѣшнее положеніе дѣлъ, ему вѣдомо, что министерство

финансовъ, имѣя свои соображенія и свои смѣты, не можетъ въ настоящее время располагать суммами для выдачи ссудъ заводчикамъ, при чемъ прибавила: „ты самъ услышишь, что дядя тебѣ скажетъ по возвращеніи изъ государственнаго совѣта; онъ, кажется, говорилъ объ этомъ съ министромъ, только, Бога ради, не намекай ему о томъ, что ты намѣреваешься лично просить государя“, — поспѣшно добавила тетушка.

Между тѣмъ, дядя возвратился изъ государственнаго совѣта и мы сѣли обѣдать. Дядя былъ человѣкъ очень добрый, чувствительный и благородный воинъ старыхъ временъ, тяжело раненый въ знаменитой битвѣ Бородинской; онъ былъ въ Парижѣ, когда эта столица Франціи сдалась нашимъ войскамъ; затѣмъ много путешествовалъ и когда достигнулъ высоваго поста министра, онъ сдѣлался, какъ мнѣ казалось, важнѣе, тщеславнѣе, боялся уронить себя и компрометтировать, находясь на такомъ посту, оказывая протекцію своимъ роднымъ. Онъ показался мнѣ смущеннымъ и какъ будто встревоженнымъ моимъ неожиданнымъ прїѣздомъ, а главное, онъ, должно полагать, догадывался, что я непременно буду лично просить государя. Все это заставляло меня робѣть, ибо я намѣревался просить у Абр. Серг. совѣта, но я заручился защитою моею добрѣйшей тетушки, которая имѣла на него большое вліяніе.

Дядя, между прочимъ, съ большимъ участіемъ разспрашивалъ меня о женѣ моей и о моихъ дѣтахъ, и очень любезно и искренно предложилъ мнѣ свое гостепріимство, спросилъ меня, хорошо-ли мнѣ будетъ у него въ нижнемъ этажѣ и чтобы я свободно и безцеремонно требовалъ все, что мнѣ будетъ нужно. Потомъ мы вступили въ пространное обсужденіе всего со мною случившагося. Дядя сообщилъ мнѣ, что онъ имѣлъ случай переговорить о пожарѣ моей фабрики съ министромъ финансовъ и говорилъ ему, что, будучи въ заподрядѣ съ казною по поставкѣ на войско суконъ, я чрезъ такое несчастіе могу раззориться въ конецъ. Министръ финансовъ Брокъ возразилъ на это съ неудовольствіемъ:

— „Напрасно вашъ племянникъ беретъ на себя смѣлость утруждать государя своими письмами. Вы сами знаете, какое теперь время. Государству не до того, чтобы помогать каждому фабриканту денежными ссудами, тѣмъ болѣе, что бѣольшая часть изъ нихъ оказываются неисправными и даже несостоятельными. А притомъ просить такой денежной ссуды подъ свою фабрику, какую просить вашъ племянникъ въ письмѣ къ государю, дѣло немислимое. Не то время теперь, и подобными просьбами непозволительно утруждать государя“.

Слыша такія рѣчи отъ дяди, произнесенныя самимъ министромъ финансовъ, тѣмъ человѣкомъ, отъ котораго все зависѣло въ моемъ дѣлѣ, я убѣдился, что оно положительно должно пропасть. Это былъ для меня какъ-бы смертный приговоръ. Я страшно взволновался и началъ напоминать дядѣ, что государь императоръ Александръ Николаевичъ, когда былъ еще наслѣдникомъ престола, лично самъ далъ мнѣ право, въ случаѣ какого-либо со мной несчастія, писать прямо къ нему. Разгорячившись, я не воздержался и проговорился, что теперь мнѣ не остается ничего другаго, какъ только лично пасть къ стопамъ его величества и умолять его спасти меня. Дядя, слыша отъ меня такую непонятную для него съ моей стороны выходку, побагровѣлъ и воскликнулъ:

— „Я знаю твою голову, ты на все готовъ! Только, пожалуйста, чтобы этого не было изъ моего дома“.

Потомъ, какъ-бы опамятававшись отъ словъ мнѣ сказанныхъ и какъ-бы смягчившись, продолжалъ:

— „Опомнись, голубчикъ, подумай о томъ, что ты говоришь! Тебя не допустить до государя, тебя съ курьеромъ, какъ безіокоignaго человѣка, отправятъ на мѣсто твоего жительства. Какія, въ самомъ дѣлѣ, ты оказалъ государству услуги, чтобы лично смѣть утруждать государя! Кутузову, слышишь! князю Кутузову-Смоленскому, дали лишь сто тысячъ рублей ассигнаціями за битву подъ Бородинымъ, а ты, ты просишь сорокъ тысячъ серебромъ! Выкинь все это изъ головы и подумай о чемъ-нибудь дѣльномъ“.

На этомъ мы кончили обѣдъ, встали изъ-за стола и дядя пошелъ отдыхать. Боже, когда я теперь, 77-ми лѣтнимъ старикомъ, все это вспоминаю, у меня сжимается сердце: такъ много перенесъ я тогда тревоженій.

По уходѣ дяди я оставался еще нѣкоторое время вдвоемъ съ тетушкой; разстроенный и растерзанный всѣмъ слышаннымъ, я сказалъ тетушкѣ, что дорога меня очень утомила, что я усталъ и пойду внизъ къ себѣ отдохнуть. Тетушка, видя мое душевное разстройство, очень меня сожалѣла, но все-таки упрекнула меня за то, что я, объясняясь съ дядей, проговорился и сказалъ ему, что пойду лично просить государя. Она меня предупреждала, что это его обезпокоитъ. Зная мнѣніе самого министра финансовъ о моемъ дѣлѣ, дядя боится, чтобы все это не раздражило государя, а я еще рѣшаюсь утруждать е. в. лично... Но видя, наконецъ, мое сильное изнеможеніе отъ волновавшихъ меня думъ, тетушка посоветовала мнѣ идти внизъ, отдохнуть и часу въ десятомъ вечера придти къ нимъ, чтобы вмѣстѣ пить чай, но я просилъ ее, чтобы

меня оставили въ покоѣ до утра, такъ какъ я дѣйствительно разстроенъ до невозможности и уединеніе приведетъ мои мысли въ порядокъ, а сонъ и отдыхъ послѣ дороги, которую я сдѣлалъ со сѣмъ почти не спавши, возстановятъ мои силы.

Придя внизъ, я раздѣлся, растянулся на своей кровати и предался размышленіямъ о моихъ дѣлахъ и о положеніи оставленнаго въ деревнѣ моего семейства; мозги мои до того работали, что я не надивлюсь, какъ голова моя не разсыпалась и какъ я не сошелъ тогда съума; утомленіе, какъ физическое, такъ и нравственное, взяло свое; я постепенно началъ приходить въ какое-то забвеніе, все во мнѣ утихало, я началъ забываться и мертвымъ сномъ проспалъ до утра. Сверху присылали за мной раза два, но видя, что я былъ погруженъ въ глубокій сонъ, оставили меня въ покоѣ.

Проснувшись утромъ довольно рано, я почувствовалъ себя физически невыразимо оправившимся, сонъ меня очень подкрѣпилъ, всѣ мои тревоженія, думы и заботы во время сна замерли, я ничего не помнилъ. Но какъ только я вполнѣ очнулся, тотчасъ голова моя начала переполняться думами и заботами о дѣлахъ моихъ. Оставленное мною въ деревнѣ семейство, какъ-бы брошенное мною, пришло мнѣ на мысль, и сильно сжалось мое сердце: нужно было такъ или иначе непремѣнно все обдѣлать, все поправить, мысль эта утвердилась во мнѣ еще сильнѣе. Я началъ придумывать средства и, перебирая ихъ одно за другимъ, стоялъ все на одномъ и томъ-же, какъ-бы видѣть государя и умолить его придти мнѣ на помощь. Приѣхавъ изъ Москвы, я не зналъ, гдѣ могъ находиться государь, въ Петербургѣ или въ загородномъ дворцѣ въ Царскомъ Селѣ. Надобно было полагать, что августѣйшая фамилія находится въ Царскомъ Селѣ, ибо были еще только послѣдніе числа октября. Но ежели государь и находился въ Царскомъ Селѣ, то какъ попасть туда? Къ кому обратиться въ Царскомъ Селѣ, когда послѣ болѣе десятилѣтняго отсутствія моего изъ Петербурга у меня не оставалось ни души знакомыхъ въ Царскомъ Селѣ. Съ кѣмъ совѣтоваться, кого просить о содѣйствіи? Вотъ когда оправдывалась русская пословица: что умъ за разумъ можетъ зайти.

Но великъ Господь! Во время размышленій о томъ, какъ увидѣть государя, чтобы имѣть возможность лично его просить о себѣ, мнѣ вдругъ явилась благая мысль: я вспомнилъ совершенно неожиданно, что тотчасъ по окончаніи Севастопольской кампаніи въ нашу губернію была поставлена одна армейская пѣхотная дивизія изъ дѣйствовавшихъ тогда подъ Севастополемъ и одна рота изъ полка этой

дивизіи, подъ начальствомъ капитана Зубова¹⁾, была поставлена ко мнѣ въ деревню постоемъ. Капитанъ Зубовъ былъ очень нами обласканъ, я его пригласилъ временно къ себѣ въ домъ, далъ ему комнату до тѣхъ поръ, пока не отыскалось въ селѣ для него порядочной квартиры; онъ всегда обѣдалъ у насъ, даже и тогда, когда перешелъ на свою квартиру въ село, очень насъ полюбилъ и привязался къ моей семьѣ, ласкалъ дѣтей, даже просиживалъ по полчаса въ ихъ классахъ. Жена и я — мы его очень уважали, и не только мы одни, но и всѣ помѣщики, съ которыми онъ познакомился въ нашемъ губернскомъ городѣ, и съ тѣми, которые насъ перѣдко навѣщали въ деревнѣ. Онъ былъ очень интересный господинъ, дворянинъ, хорошей русской фамиліи, человекъ очень умный и заслуженный, два раза раненный и обвѣщенный орденами. Онъ дрался на Кавказѣ противъ извѣстнаго Шамиля и когда во время Севастопольской кампаніи полки съ Кавказа были вытребованы къ Севастополю, онъ явился туда съ своимъ полкомъ, былъ въ сраженіяхъ подъ Альмой, подъ Инкерманомъ, въ бою на Черной рѣчкѣ и выдержалъ всю осаду Севастополя.

Капитанъ Зубовъ пробылъ у меня въ деревнѣ, командуя ротой, около двухъ лѣтъ и я, для ученія его солдатъ, построилъ даже манежъ. Онъ перѣдко обходилъ со мною всѣ мои фабричныя корпуса, очень интересовался суконнымъ производствомъ и видѣлъ всѣ мои порядки. Такъ какъ онъ былъ полный капитанъ и одинъ изъ старшихъ, то совершенно неожиданно для него и для насъ онъ получилъ бумагу о томъ, что для его производства въ майоры и вообще для знанія службы ему надлежитъ теперь же отправиться въ Образцовый пѣхотный полкъ. Этотъ Образцовый полкъ находился въ Царскомъ селѣ и капитанъ Зубовъ, какъ я слышалъ еще въ бытность мою въ деревнѣ, былъ произведенъ въ майоры и оставленъ въ Образцовомъ полку. Вотъ счастливый случай для меня, подумалъ я, когда эта мысль пришла мнѣ въ голову. Я теперь свободно могу попасть въ Царское село и прямо на квартиру къ моему майору, который, я увѣренъ, приметъ меня радушно, вспомнивъ мою хлѣбъ-соль, когда онъ квартировалъ съ ротою у меня въ деревнѣ. Но при этомъ меня волновала мысль, какъ уѣхать изъ дома тетки и дяди въ Царское село, не подавъ имъ подозрѣнія на счетъ себя, въ особенности дяди, который могъ тотчасъ догадаться,

¹⁾ Умеръ полковникомъ въ отставкѣ, въ 1887 году, отъ угара, въ Пензѣ.
Д. К.

съ какою цѣлю я ѣду въ Царское село, и потому я рѣшился переговорить съ тетушкою искренно и откровенно, ибо она вполнѣ мнѣ сочувствовала.

Послѣ переговоровъ съ тетушкою, послѣ моего спора, настоянія и убѣжденія съ ея стороны, все устроилось хорошо, и я, денька черезъ два или три, покатилъ вечеркомъ по желѣзной дорогѣ въ Царское село, и весь этотъ вечеръ, до поздней ночи, провелъ въ дружеской бесѣдѣ съ маіоромъ Василиемъ Кирилловичемъ Зубовымъ и, ночевалъ у него двѣ ночи. Вотъ какъ все это было.

Царское село, этотъ прелестный своею чистотою и опрятностью городокъ, бывшій предметомъ постоянныхъ заботъ и попеченій государя Николая Павловича, который всякое лѣто, въ извѣстное время, проживалъ въ немъ, со всей своей царской семьей, нисколько не удивилъ и не поразилъ меня. Служа въ гвардіи, я съ ранней молодости его очень хорошо зналъ и нерѣдко бывалъ тамъ. Намъ случалось, послѣ большихъ маневровъ, временно, цѣлыми баталіонами оставаться въ Царскомъ селѣ и занимать караулы, поэтому я хорошо зналъ всѣ посты, занимаемые караулами и часовыми. Этотъ великолѣпный дворецъ и царскосельскій садъ, окружающій прелестное огромное озеро, были мнѣ старинными знакомыми, ибо мы, гвардейскіе офицеры, пріѣзжали, бывало, изъ Петербурга въ Царское село, нарочно съ цѣлю погулять въ саду, гдѣ въ воскресные и праздничные дни постоянно играла музыка и публики собиралось много.

Вышедъ изъ вагона, я взялъ извозчика и отправился прямо въ Образцовый пѣхотный полкъ, узналъ адресъ маіора Василя Кирилловича Зубова и совершенно для него неожиданно явился къ нему на квартиру. Его удивленіе я описать не могу. Онъ никакъ не могъ предполагать, чтобы тотъ помѣщикъ, въ деревнѣ у котораго онъ квартировалъ съ ротою почти два года, оставивъ деревню и свои заведенія, могъ-бы явиться въ Петербургъ изъ такой дали и въ особенности къ нему въ Царское село; радость его видѣть меня у себя на квартирѣ была невыразимая — онъ не зналъ какъ меня усадить и чѣмъ меня угостить.

Послѣ того, какъ мы оба успокоились, онъ забросалъ меня вопросами о женѣ, о дѣтяхъ моихъ, ибо ко всѣмъ намъ онъ былъ весьма привязанъ. Когда-же онъ коснулся дѣлъ моихъ и сталъ разспрашивать, какъ идетъ все мною заведенное, какъ идетъ моя суконная фабрика, какъ она процвѣтаетъ и когда я ему подробно рассказалъ о случившемся со мною бѣдствіи, когда я ему объяснилъ всѣ послѣдствія, которыя меня ожидаютъ и вслѣдствіе кото-

рыхъ я два раза писалъ государю, и о вторичномъ мнѣ отказѣ чрезъ министра финансовъ, а также о причинѣ моего приѣзда въ Петербургъ и сюда въ Царское село, съ твердымъ намѣреніемъ проникнуть къ государю, пасть къ его стопамъ и лично умолять его спасти меня, то мой маіоръ Василій Кирилловичъ, выслушавъ все это, пришелъ въ неописанный ужасъ, страшно измѣнился въ лицѣ и поникъ головой. Моя настойчивость проникнуть до царя, лично утруждать государя—всего болѣе его страшило.

Очнувшись, такъ сказать, отъ своего оцѣпенѣнія, Василій Кирилловичъ, съ видомъ изумленія, меня спросилъ:

— „Вы, стало быть, рѣшаетесь идти къ государю и лично его просить послѣ того, какъ вамъ два раза было отказано министромъ финансовъ, по повелѣнію-же государя?“

Потомъ, послѣ минутнаго раздумья, онъ вдругъ произнесъ:

— „Васъ не допустить до государя, васъ схватятъ полиція, васъ посадятъ въ кутузку и впослѣдствіи, по разсмотрѣніи дѣла, васъ примутъ, можетъ быть, за человѣка рехнувшагося и съ каинь-нибудь чиновникомъ отправить въ вашу губернію“.

Услыхавъ такія рѣчи отъ человѣка, котораго здравый смыслъ и твердость духа я всегда цѣнилъ и въ которомъ я думалъ еще найти кое-какую опору, а между тѣмъ, чувствуя всю правдоподобность имъ высказаннаго, я ощутилъ, что я положительно теряю послѣднюю надежду, и пришелъ въ совершенное отчаяніе. Я чувствовалъ, что я весь трясусь и невольно, какимъ-то особеннымъ голосомъ, вскричалъ:

— „Что-же мнѣ дѣлать, Василій Кирилловичъ, мнѣ ничего болѣе не остается, какъ здѣсь-же, у васъ, застрѣлиться“.

Это восклицаніе мое сильно озадачило маіора. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ со мною былъ знакомъ, онъ никогда не зналъ меня такимъ и не ожидалъ отъ меня ничего подобнаго. Между тѣмъ, со свойственною ему твердостью духа и какъ будто-бы съ нѣкоторымъ негодованіемъ, онъ возразилъ:

— „Постойте, батюшка, кого вы удивите самоубійствомъ? А жена и дѣти, вами покинутыя въ деревнѣ, останутся невинными жертвами! Такъ-ли долженъ поступать мужчина,—это позоръ, такъ-ли мужъ обязанъ охранять себѣ близкихъ отъ какого-бы то ни было бѣдствія или несчастія! Опомнитесь и подумайте. Ежели вы уже рѣшились на такой шагъ, чтобы послѣ двухъ отказовъ, заявленныхъ вамъ министромъ по вашему дѣлу, по повелѣнію государя-же, все-таки его видѣть и лично его просить, то нечего вамъ лѣзть во дворецъ, куда васъ и не впускать. Вы можете всякій

день видѣть государя въ девятомъ часу утра: его величество предъ докладомъ постоянно гуляетъ въ Царскосельскомъ саду одинъ, со своимъ адъютантомъ. Вотъ тутъ уже отъ вашей предусмотрительности и ловкости будетъ зависѣть выбрать минуту, какъ приступить къ государю. Это дѣло отважное, весьма смѣлое и рискованное. Одна только крайность можетъ заставить на это рѣшиться“.

Этотъ совѣтъ Василя Кирилловича заставилъ меня, такъ сказать, восприять душою. Мысль видѣть государя и лично умолять его меня спасти—давно созрѣла и утвердилась во мнѣ, я не чувствовалъ при этомъ ни страха, ни опасности, и въ эту минуту, въ совершенной радости, я воскликнулъ, что завтра-же я готовъ идти въ Царскосельскій садъ на встрѣчу государя. Но мой сожитель вновь сдержалъ порывъ моего восторга. Онъ мнѣ сказалъ своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ:

— „Не спѣшите, это такое обстоятельство, о которомъ надо подумать, надо раскинуть разумомъ, надо обсудить посерьезнѣе. Теперь уже поздно, наша бесѣда зашла далеко за полночь, надобно поужинать и ложиться спать. Вамъ въ особенности отдыхъ необходимъ, онъ насъ успокоитъ и приведетъ ваши мысли въ порядок“.

Потомъ произнесъ съ улыбкою: „Утро вечера мудренѣе, а завтра намъ предстоитъ цѣлый день для нашихъ размышлений“.

Проснувшись поутру на квартирѣ маіора, въ семь часовъ, я дѣйствительно чувствовалъ себя гораздо спокойнѣе, при томъ мысль увидѣть государя меня оживляла, мнѣ какъ-то сдавалось, чувствовалось, что милостивый нашъ царь, какимъ мы его помнили въ тѣ времена, когда е. в. былъ еще наследникомъ, сжалится надо мною и не оставитъ меня своимъ монаршимъ милосердіемъ. Василій Кирилловичъ допивалъ въ это время свой второй стаканъ чаю, собираясь идти на ученіе въ Образцовый полкъ. Я распрощался съ нимъ, съ нетерпѣніемъ ожидая возвращенія его съ ученія, ибо мы условились окончательно переговорить въ тотъ день на счетъ моего рѣшенія. Трудныя минуты бываютъ въ жизни человѣческой,—каково ихъ переживать, ихъ пройти!

Въ отсутствіе моего сожителя, освѣжившись и сдѣлавъ свой туалетъ, я началъ пить чай и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ обдумывалъ свой планъ, какъ мнѣ при встрѣчѣ съ государемъ подступить къ нему и просить его. Я долженъ правду сказать, что я былъ теперь гораздо спокойнѣе духомъ, чѣмъ прежде, я ощущалъ какое-то предчувствіе, которое заставляло меня уповать на милость царскую, но тѣмъ не менѣе я былъ чрезвычайно взволнованъ. Предо мною лежали на столѣ разные журналы и книги; я не раз-

вернулъ ни одного листа, ни одной страницы, мнѣ совершенно было не до того.

Наконецъ, возвратился съ своего ученія Василий Кирилловичъ, усталый и задумчивый. Мы тотчасъ сѣли обѣдать и при этомъ невольно вспомнили то время, когда онъ съ ротою квартировалъ у меня въ деревнѣ; тогда мы тоже садились обѣдать за круглый столъ съ моею семьей, бывали иногда и прїѣзжіе гости и нѣкоторые изъ должностныхъ лицъ, служащихъ на фабрикахъ; иной тогда, иной бывалъ обѣдъ... Когда я теперь объ этомъ вспомню, меня невольно охватываетъ грусть! Все прошло и все невозвратно!.. За обѣдомъ онъ мнѣ сообщилъ, что завтрашній день праздникъ лейбъ-гусарскаго полка, что полкъ готовится къ высочайшему смотру, будетъ парадъ лейбъ-гусаръ, назначенный на Софійской площади; я невольно при этомъ воскликнулъ:

— „А какъ-же я завтра какъ разъ намѣревался идти въ Царскосельскій садъ, чтобы встрѣтить государя?“

Но Василий Кирилловичъ тотчасъ меня успокоилъ, сказавъ:

— „Кто-же вамъ мѣшаетъ, ежели вы на это рѣшились. Парадъ лейбъ-гусаръ назначенъ въ часъ пополудни и вамъ надобно идти въ садъ не иначе, какъ въ девятомъ часу утра, ежели вы хотите видѣть государя, ибо онъ дѣлаетъ свою прогулку въ этомъ часу“.

Въ продолженіе всего этого дня я находился въ очень взволнованномъ состояніи, а мой сожитель отдыхалъ. Наконецъ, за вечернимъ чаемъ самъ Василий Кирилловичъ заговорилъ со мною такъ:

— „Смотрите, ежели вы уже рѣшились идти завтра въ Царскосельскій садъ, съ тѣмъ, чтобы просить государя о вашемъ дѣлѣ, то не забудьте, что ежели все это обойдется счастливо, то государь, возвратившись къ себѣ во дворецъ, очень легко можетъ забыть о чемъ вы его просили; вамъ необходимо имѣть съ собою памятную записочку, которую вы можете отдать адъютанту государя, въ случаѣ милостиваго и счастливаго къ вамъ вниманія государя“.

Я этого никакъ не ожидалъ и эти слова меня крайне удивили и вмѣстѣ съ тѣмъ заставили спросить Василія Кирилловича какую-же такую памятную записку я долженъ имѣть при себѣ. Мой сожитель, какъ человѣкъ опытный и практичный, объяснилъ мнѣ, что я долженъ составить на всякій случай краткую докладную записку о томъ, что я просилъ въ моихъ письмахъ къ государю; иначе выйти ничего не можетъ. Эта смѣлность маіора принесла мнѣ величайшую пользу. Я понялъ справедливость его совѣта и составилъ краткую докладную записку обо всемъ, о чемъ я просилъ въ моихъ письмахъ государю; я передалъ ее на разсмотрѣніе Василію Кирилловичу. Про-

читавъ мою записку, маіоръ довольно долго оставался въ задумчивости, наконецъ всталъ и произнесъ: это ужасно! Вы просите ссуды подъ вашу фабрику сорокъ тысячъ рублей, смотрите, это, въ самомъ дѣлѣ, сумма страшная и въ особенности для настоящаго времени, послѣ Севастопольской кампаніи; для министерства это будетъ крайне затруднительно, а министръ финансовъ обязанъ отстаивать государственные расходы, не входящіе въ сѣтъ. Я опасаясь, поэтому и совѣтую вамъ: сбаньте двадцать тысячъ и просите только половину.

Послѣ непродолжительныхъ преній по этому поводу я сдался, переписалъ докладную записку и поставилъ двадцать тысячъ вмѣсто сорока, которыя я прежде просилъ,—что было дѣлать!..

Подобная услуга, которую съ такимъ искреннимъ участіемъ оказалъ мнѣ незабвенный маіоръ Василій Кирилловичъ Зубовъ, не можетъ испариться изъ моей памяти, до тѣхъ поръ, пока сердце мое будетъ биться. Много въ жизни приходилось мнѣ встрѣтить участія со стороны людей, но оно почти всегда проистекало изъ какихъ-либо расчетовъ, даже между близкими, а этотъ посторонній человѣкъ, ни съ того, ни съ сего, давалъ мнѣ такіе искренніе, такіе сердечные совѣты, которыхъ вѣкъ не забудешь.

Наши разговоры не могли не утомить насъ обоихъ, подали ужинъ и затѣмъ мы легли спать. Ночь для меня была очень тяжелая, мысли мои блуждали, меня тяготилъ какой-то бредъ, такъ что я не знаю въ дѣйствительности спалъ-ли я эту ночь...

На другой день утромъ я проснулся также рано, именно въ семь часовъ, но чувствовалъ себя разстроеннымъ и очень взволнованнымъ въ ожиданіи той минуты, когда я долженъ выйти изъ дома и отправиться въ царскосельскій садъ. Сердце мое, я уже не знаю, отъ страха или отъ чего другаго, такъ колотилось, что я ощущалъ каждое его біеніе; я весь дрожалъ и не могъ допить полстакана поданнаго мнѣ чая. Мой сожителъ собирался уходить въ Образцовый полкъ на свое ученіе, онъ не могъ не замѣтить моего крайне разстроеннаго состоянія, и какъ человѣкъ, испытавшій на своемъ вѣку многое, бывавшій въ столькихъ битвахъ, какъ Альяма, Черная рѣчка и Севастополь, онъ былъ твердъ духомъ и опять поддержалъ меня нравственно, сказавъ мнѣ очень серьезнымъ тономъ: „когда мужчина рѣшается на какое-либо важное предпріятіе, то робость уже тутъ не можетъ имѣть мѣста“,—протянулъ мнѣ руку, пожалъ ее и вышелъ изъ квартиры.

Это послѣднее, серьезнымъ тономъ сдѣланное мнѣ, замѣчаніе какъ будто-бы пристыдило и вмѣстѣ съ тѣмъ заставило придти въ себя и ободриться.

Я вышелъ изъ дома, когда не пробило еще восьми часовъ; на мнѣ былъ простой статскій сюртукъ, а такъ какъ было уже холодно, то я надѣлъ въ накидку свою старую военную шинель съ бобровымъ воротникомъ и такими же лацканами, а на головѣ имѣлъ свою статскую круглую шляпу. Время стояло совершенно осеннее, мрачное, которое еще болѣе наводило на задумчивость и тоску; кажется, это было 6-го ноября.

Когда я въ настоящую минуту вспомню обо всемъ прошломъ, Боже мой, какія меня волновали ощущенія, кто можетъ себѣ достаточно представить все, что мною тогда чувствовалось!... Какая смѣлость была съ моей стороны идти отыскивать гуляющаго государя въ саду и дерзнуть его остановить, чтобы просить о своемъ частномъ дѣлѣ,—я, право, теперь самъ содрагаюсь отъ одной этой мысли, но видно уже такъ, какъ надъ всѣмъ, что въ семъ мірѣ творится, это была воля Божія, а такъ какъ все это было и уже прошло, то теперь я совершенно спокойно и подробно расскажу, какъ все со мною происходило въ этотъ достопамятный день.

Войдя въ садъ, я пошелъ прямо по той дорожкѣ, которая оглащаетъ большое озеро и проходитъ мимо царскаго дворца.

На пути я никого не встрѣчалъ, кромѣ какихъ-то бабъ съ граблями: осень давала себя чувствовать, было свѣжо и желтый листъ поминутно падалъ съ деревьевъ и засѣвалъ дорожки. Это было именно, какъ я выше сказалъ, кажется, 6-е ноября. Я долго шелъ погруженный въ мои думы и такъ дошелъ до самаго дворца. Какъ только я увидѣлъ дворецъ, это великолѣпное зданіе, я тутъ какъ будто опомнился отъ думъ, которыя меня такъ тяготили. Я остановился на дорожкѣ, по которой я шелъ; она какъ разъ была противъ самаго дворца, конечно, на нѣкоторомъ отъ него разстояніи. Меня вдругъ взяло сильное раздумье: вышелъ-ли государь изъ дворца и пошелъ-ли онъ въ садъ, какъ это узнать? Потому, ежели государь вышелъ, то въ какую сторону онъ направился, ибо мнѣ надо идти ему на встрѣчу; кого-же спросить? но на дорогѣ никого не было и при томъ, ежели бы даже кто нибудь и находился на дорожкѣ, мнѣ казалось неумѣстнымъ спрашивать о томъ, вышелъ-ли государь изъ дворца и въ какую сторону онъ направился; мнѣ издали видѣлись часовые, которые стояли на постахъ у дворца; но для меня еще менѣе было удобно сойти съ дорожки сада, подойти къ самому дворцу и спрашивать часовыхъ о государѣ. Это значило бы прямо подать на себя какое-либо подозрѣніе, а иной часовой, вслѣдствіе моего разспроса, могъ-бы дать окликъ старшему унтеръ-офицеру караула и меня могли-бы потребовать въ караульный домъ

спросить, что мнѣ нужно, почему я разспрашиваю о государѣ, кышеть-бы страшный скандалъ.

Мое отчаяніе доходило до послѣдней крайности, мнѣ казалось, что счастье мое могло-бы быть возможно при встрѣчѣ съ государемъ и оно уходило отъ случайности, что я не нахожу возможнымъ встрѣчать государя... Я былъ въ сокрушеніи неизъяснимомъ, я не зналъ что дѣлать, и тутъ совершенно какъ-бы безсознательно повернулъ назадъ и пошелъ по той же самой дорожкѣ, по которой шелъ при входѣ моемъ въ садъ. Мои мысли блуждали, я удалился отъ дворца, принималъ направление, ведущее къ выходу изъ сада о чемъ я тогда думалъ и помышлялъ—я рѣшительно не могу сказать. Я невольно всматривался вдаль потому, что при всей моей задумчивости я все ожидалъ, что вотъ покажется рѣшетка сада и выходъ и затѣмъ конецъ моему предпріятію. Въ эту минуту я усматриваю, что кто-то идетъ мнѣ на встрѣчу, но на довольно дальнемъ еще разстояніи, и что-то красное у него на головѣ; походка мнѣ показалась довольно быстрая; и вынулъ изъ кармана свою лорнетку и взглянулъ. Оказалось, что это самъ государь Александръ Николаевичъ, въ пальто и въ лейбъ-гусарской красной фуражкѣ. Отъ неожиданности я пришелъ въ трепетъ, я такъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, что мнѣ показалось, что во всѣхъ моихъ суставахъ что-то хрустнуло.

Такъ какъ государь шелъ быстро, вѣроятно отъ стужи, то я, безъ помощи лорнетки могъ видѣть, что съ нимъ идетъ его адъютантъ, кн. Владиміръ Барятинскій. Этого Барятинскаго я зналъ такъ сказать, съ ребяческихъ лѣтъ, когда онъ находился еще въ Пажескомъ корпусѣ, а я въ это самое время въ школѣ гвардейскихъ подпоручиковъ и мы каждое лѣто въ лагерѣ подъ Петергофомъ бывали вмѣстѣ съ пажами и тутъ сдружились и говорили другъ другу не иначе, какъ ты. Потомъ, когда мы были уже офицерами гвардіи, наши отношенія всегда были очень хорошія, такъ какъ и впоследствии, когда Барятинскій былъ адъютантомъ военнаго министра Чернышева, наши отношенія нисколько не измѣнились.

Но мѣръ того какъ государь подходилъ ближе ко мнѣ, мой трепетъ до того усилился, что я почувствовалъ какую-то внутреннюю дрожь, но по старой памяти военнаго офицера и фронтоваго прежнихъ временъ, когда мы бывали приучены сосредоточиваться самъ въ себѣ, я за нѣсколько шаговъ предъ проходящимъ государемъ остановился, какъ-бы дѣлая ему фронтъ, снялъ съ себя шляпу и съ полнымъ благоговѣніемъ поклонился его величеству.

Государь приложилъ руку къ козырьку своей фуражки и чутъ

было не прошелъ мимо меня, но я какимъ-то взволнованнымъ голосомъ отъ всѣхъ чувствъ, волновавшихъ меня невольно, вскрикнулъ: „виновать, государь, ежели я осмѣливаюсь васъ обезпокоивать“, и затѣмъ я какъ будто-бы замеръ.

Государь въ эту минуту, имѣя руки въ карманахъ своего пальто, наклонивъ немного голову, подошелъ ко мнѣ вплотную, а кн. Барятинскій осадилъ шага два или три назадъ и оставался за государемъ.

Его величество, всматриваясь въ меня очень пристально, назвалъ меня по фамилии и отрывисто спросилъ:

— „Это ты, что тебѣ надо?“

Я до такой степени оторопѣлъ, что не могъ произнести ни одного звука, языкъ мой какъ будто-бы присохъ къ горлу, я молчалъ. Государь въ это время повернулся къ князю Барятинскому и спросилъ его, узнаетъ-ли онъ меня, — назвавъ опять мою фамилию.

Государь вспомнилъ, вѣроятно, въ эту минуту то время, когда бывало, въ лагерѣ подъ Петергофомъ, по приѣздѣ юнаго наследника къ палаткамъ Цажескаго корпуса, мы, подпрапорщики и юнкера, окружали его палатку и не отходили отъ нея до самаго отъѣзда наследника цесаревича изъ лагеря.

Когда кн. Барятинскій отвѣчалъ государю, что онъ меня узналъ еще издали, то государь обратился опять ко мнѣ и повторилъ:

„Говори-же, какую ты имѣешь до меня надобность?“

Въ это время я отчасти оправился отъ моего оцѣпенѣнія и дрожащимъ голосомъ произнесъ: „Я имѣлъ счастье писать къ в. н. величеству и по случаю сгорѣвшей у меня фабрики просилъ ссуды“.

Но я не успѣлъ еще договорить, какъ государь перебилъ меня и сказалъ, что теперь это трудно сдѣлать; онъ, вѣроятно, вспомнилъ теперь о письмахъ, которыя я имѣлъ счастье послать на высочайшее имя.

Когда государь произнесъ эти слова, я обомлѣлъ и видимо измѣнился въ лицѣ: мнѣ пришло въ голову, что теперь уже послѣ словъ, мнѣ сказанныхъ государемъ, конецъ всему, гибель моя неизбѣжна. Я страшно поблѣднѣлъ и у меня невольно наворачнулись слезы на глазахъ, тутъ я уже не помню хорошо, какъ я началъ умолять государя, скороговоркой, безсвязно; я молилъ его умило-сердиться надъ моимъ бѣдственнымъ положеніемъ, выразивъ его величеству, что единственною моею надеждою на спасеніе была одна только монаршая его милость.

Государь, вѣроятно, замѣтилъ мое страшно взволнованное состояніе, ибо тутъ-же милостивымъ голосомъ спросилъ меня, есть-ли при

мнѣ записка о моемъ дѣлѣ? Я поспѣшилъ вынуть изъ кармана моего сюртука ту докладную записку, которую я написалъ наканунѣ на квартирѣ маіора, и подалъ ее государю. Его величество передалъ мою записку князю Барятинскому, кивнулъ мнѣ головою и потомъ съ Барятинскимъ вмѣстѣ пошелъ по дорожкѣ по направленію ко дворцу.

Я долго стоялъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ, я былъ какъ-бы въ какомъ-то онѣменіи, я все смотрѣлъ и смотрѣлъ на удаляющагося отъ меня государя.

Долго, очень долго я стоялъ на одномъ мѣстѣ какъ прикованный. Въ эту минуту я себя точно не помнилъ; я какъ будто-бы не помнилъ всего того, что было со мною, я былъ въ какомъ-то забвеніи; кругомъ меня не было ни души, а мой взоръ между тѣмъ продолжалъ жадно слѣдить за шагами удаляющагося государя; мнѣ вдругъ сдѣлалось жалко, когда государь скрылся съ глазъ моихъ, но такъ жалко, какъ я этого теперь выразить не въ состояніи, потому что я не имѣлъ довольно времени тогда, чтобы излить государю все, что у меня было на душѣ, но всѣ эти чувства по сіе время сохраняются въ моемъ сердцѣ и будутъ въ немъ до тѣхъ поръ, пока оно не перестанетъ биться.

Выйдя, наконецъ, изъ моего оцѣпенѣнія и совершенно опаматовавшись, я бросился ускореннымъ шагомъ къ выходу изъ сада и хотя квартира моего сожителя находилась довольно близко отъ сада, но я не выдержалъ, взялъ извозчика и доѣхалъ до дома. Приѣхавъ домой, я не засталъ Василия Кирилловича, меня разобрали страшная досада, мнѣ такъ хотѣлось ему передать поскорѣе всѣ чувства, которыя меня теперь такъ радовали. Я отправилъ ему записку съ вѣстовымъ, о томъ, что мнѣ необходимо его немедленно видѣть. Онъ, конечно, зналъ хорошо въ чемъ состоитъ мое дѣло, но, не будучи увѣренъ въ успѣхъ моего предпріятія, опасался не случилось-ли со мною чего-нибудь непріятнаго, почему и поторопился придти домой.

Какъ только онъ вошелъ въ комнату, я бросился къ нему на шею какъ къ моему благодѣтелю, ибо во все продолженіе моей жизни я не помню, чтобы кто-нибудь изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ и даже родныхъ могъ-бы мнѣ оказать такое искреннее, такое сердечное участіе какъ онъ.

Когда я ему рассказалъ всѣ подробности моей встрѣчи съ государемъ, когда я ему сообщилъ о невыразимо милостивомъ ко мнѣ благоволеніи государя, радость насъ обоихъ была безмѣрная.

Во время моего рассказа о томъ, какъ я явился въ царскосель-

скій садъ, какъ я искалъ случая встрѣтить государя, мой сожитель слушающъ меня, не переставалъ смотрѣть на часы и, наконецъ, прервавъ меня, сказалъ: „Теперь только-что еще десять часовъ, вы успѣете еще съѣздить въ дежурную комнату къ князю Барятинскому, для того, чтобы узнать, что угодно было Государю сдѣлать съ поданною вами ему въ саду докладною запискою“.

До парада лейбъ-гусарскаго полка оставалось еще слишкомъ два часа. Между тѣмъ, Василій Кирилловичъ мнѣ разъяснилъ, что дежурная комната флигель-адъютанта государя находится не во дворцѣ, но переведена рядомъ съ дворцомъ, въ бывшемъ лицей. Я поспѣшилъ взять извозчика и тотчасъ поѣхалъ въ лицей, въ дежурную комнату флигель-адъютантовъ, къ кн. Барятинскому.

Кн. Владиміръ Ивановичъ Барятинскій былъ очень радъ меня видѣть; мы давно съ нимъ не видѣлись, и при томъ между нами и всѣми его братьями всегда существовали хорошія отношенія. Съ его роднымъ братомъ княземъ Александромъ Ивановичемъ, бывшимъ впоследствии фельдмаршаломъ, я въ одно время былъ въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, и былъ всегда на ты. Съ Владиміромъ Барятинскимъ тоже, а съ Апатоліемъ, который впоследствии командовалъ лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ, хотя и не былъ коротко знакомъ, но мы были всегда въ хорошихъ отношеніяхъ и мой сынъ въ то время былъ у него въ полку офицеромъ.

Владиміръ Барятинскій усадилъ меня около себя, налилъ мнѣ чашку кофе и сказалъ: „Какой ты, братецъ, чужакъ, останавливаешь на дорогѣ государя, а самъ молчишь! Я, находясь за государемъ, дѣлалъ тебѣ знаки, чтобы ты скорѣе отвѣчалъ. Ты, вѣрно, очень испугался? А какъ милостивъ нашъ государь! Какъ милостивъ государь!“ повторилъ князь; видно было, что, произнося эти слова, Барятинскій съ обожаніемъ говорилъ о государѣ, ибо онъ приговаривалъ: „Его величество не забываетъ, а напротивъ того, помнитъ всѣхъ насъ, ему современныхъ сослуживцевъ. Всѣхъ, кого государь зналъ въ дѣтскихъ своихъ годахъ, онъ не забылъ и всѣмъ благодѣлательствуетъ. Смотри, какъ только я съ государемъ возвратился во дворецъ, е. в. тотчасъ потребовалъ отъ меня поданную ему тобою записку и приказалъ мнѣ съ курьеромъ тотчасъ отправить ее къ министру финансовъ“.

Услыхавъ это, я былъ сконфуженъ, зная, что министръ финансовъ Брокъ на меня негодуетъ и все то, что онъ говорилъ обо мнѣ Абр. Серг. Норову, доказывало, что онъ далеко не расположенъ мнѣ помочь. Барятинскій, замѣтя, вѣроятно, мое минутное смѣненіе, сказалъ мнѣ:

— „Послѣ надписи, которую государь своеручно сдѣлалъ на твоей докладной запискѣ, тебѣ нечего сомнѣваться, министръ и не помыслить не исполнить его желанія. Его величество написалъ слѣдующее:—„Я долженъ помочь отставному подполковнику Колокольцову, какъ старому моему товарищу“.

Эту дорожку для меня надписи, сдѣланную Государемъ Александромъ Николаевичемъ своеручно на моей запискѣ, я просилъ въ послѣдствіи министерство отдать мнѣ вмѣстѣ съ моею запискою на память, но министерство мнѣ дважды отказало въ этой просьбѣ. Въ министерствѣ финансовъ записка эта должна храниться донынѣ, какъ документъ о пожалованіи мнѣ государемъ двадцати тысячъ рублей; все это было приблизительно въ 1857 году.

Распростившись съ кн. Барятинскимъ, я пріѣхалъ домой и съ неизъяснимымъ восторгомъ рассказалъ моему сожителю о моей бесѣдѣ съ старымъ моимъ товарищемъ.

Мой сожитель, Василій Кирилловичъ Зубовъ, совѣтывалъ мнѣ не терять болѣе времени, сейчасъ отправляться въ Петербургъ и съ часа на часъ ожидать призыва къ министру финансовъ. Все такъ и случилось. Пообѣдавъ у него въ послѣдній разъ, я распростился съ нимъ и далъ ему обѣщаніе не уѣзжать въ деревню не побывавъ опять у него.

По прошествіи трехъ дней я получилъ изъ министерства финансовъ казенный конвертъ опять съ министерскою печатью. Министерство извѣщало меня, что на слѣдующій день въ 12 час. дня я приглашаюсь пожаловать къ министру для нѣкоторыхъ объясненій. Хотя мнѣ было хорошо извѣстно, почему я приглашаюсь къ министру, но какое-то предчувствіе мнѣ вѣщало не совсѣмъ доброе. Я, конечно, заглушилъ въ себѣ это предчувствіе, одѣлся во фракъ, это было какъ-разъ въ пятницу, и отправился къ министру.

Домъ министра финансовъ тогда находился въ Большой Миліонной, противъ казармъ л.-гв. Павловскаго полка, именно тамъ, гдѣ нѣкогда жилъ бывшій министръ финансовъ гр. Канкринъ, а теперь (въ 1857 г.) жилъ статсъ-секретарь Брокъ. Когда я вошелъ въ пріемную комнату, въ ней никого не было; но рядомъ была другая комната, въ которой сидѣли чиновники; одинъ изъ нихъ, вѣроятно дежурный, подошелъ ко мнѣ, спросилъ мою фамилію и сказалъ, что когда сойдетъ сверху одинъ изъ генераловъ, который у министра, тогда онъ доложитъ обо мнѣ. Такъ и случилось. Министръ потребовалъ меня къ себѣ наверхъ. Я поднялся по лѣстницѣ и опять какой-то чиновникъ отворилъ мнѣ дверь кабинета и яо вошелъ.

Кабинетъ министра финансовъ Брока была комната очень большая. Въ углубленія этой комнаты стоялъ большой столъ, обтянутый зеленымъ сукномъ. На столѣ этомъ лежало много бумагъ. Министръ Брокъ сидѣлъ у стола во фракѣ съ бронзовыми пуговицами, въ рукахъ у него находился длинный-предлинный карандашъ; вбро-ятно, онъ дѣлалъ какіе-либо расчеты.

Войдя въ дверь, я ему поклонился. Отдавая мнѣ поклонъ, онъ пригласилъ меня подойти ближе къ его столу.

— „Вы два раза писали государю и оба раза просили ссуды подъ вашу суконную фабрику, которая сгорѣла, сорокъ тысячъ рублей, началъ министр. — Послѣ того вы теперь лично рѣшились еще утруждать государя и въ докладной запискѣ, поданной вами ны просите ссуду уже не въ сорокъ, а въ двадцать тысячъ рублей. Вы сами не знаете, что вамъ нужно и чего вамъ просить, все это доказываетъ, что вы какъ фабрикантъ, имѣющій дѣло съ казною, не надежный, не состоятельный, но государю императору угодно намъ помочь какъ старому его товарищу.... Гдѣ-же вы служили?“ отрывисто вдругъ спросилъ меня министр.

Я отвѣчалъ, что, находясь еще въ школѣ гвардейскихъ подпор-порщиковъ и юнкеровъ, я имѣлъ счастье быть извѣстнымъ государю императору и вполсѣдствіи я долго служилъ въ гвардіи. На это министр мнѣ сказалъ:

— „Вы не соображаетесь съ обстоятельствами, у министерства кромѣ васъ имѣются огромные расходы и оно не въ состояніи выда-вать такія суммы каждому изъ заводчиковъ; я предлагаю вамъ вмѣсто двадцати тысячъ рублей, которыя вы просили у государя, принять десять тысячъ рублей“.

Я молчалъ. Министръ повторилъ мнѣ еще разъ то-же самое. Мое положеніе въ эту минуту было невыразимо трудное, я зналъ, что отъ министра все зависитъ; его, какъ единственнаго докладчика по этому предмету, я боялся раздражать, ибо однимъ словомъ, имъ-доложенномъ обо мнѣ государю, я могъ потерять все милостивое ко мнѣ расположеніе его величества, а вмѣстѣ съ тѣмъ согласіе мое принять десять тысячъ вмѣсто двадцати не усграивало мои дѣла, а разстраивало ихъ. Послѣ нѣкотораго колебанія я рѣшился сказать министру, что, принявъ десять тысячъ рублей, я потеряю всякую возможность устроить фабрику и что на меньшее мнѣ не-возможно согласиться. Министръ не далъ мнѣ договорить; видно было, что онъ отчасти вознегодовалъ на меня и произнесъ: „въ та-комъ случаѣ я сдѣлаю распоряженіе, чтобы засеквестровать все ваше имѣніе до тѣхъ поръ, пока поставляемое съ вашей фабрики

тукно своею цѣнностью не покроетъ выданнаго вамъ изъ казны капитала въ двадцать тысячъ рублей, и ежели только фабрика ваша не будетъ своевременно выставять въ комиссію заподряженныя казною сукна, посредствомъ коихъ комиссіею будетъ удерживаться извѣстная часть изъ слѣдующихъ вамъ денегъ на покрытие нашего долга, то засекуестрованное имѣніе ваше и фабрика все будетъ продано съ молотка. Все это я прикажу поставить въ условіе, которое вы должны будете заключить съ казною и которое вы обязаны подписать, ибо иначе вы не получите просимой вами суммы денегъ. Прошу васъ сойти внизъ въ мою канцелярію, распоряженіе теперь-же будетъ сдѣлано“.

Такимъ образомъ, я пробылъ въ канцеляріи министра Брока еще болѣе двухъ часовъ, пока условіе, которое я долженъ былъ заключить съ казною, было составлено, рассмотрѣно министромъ, мною подписано и имъ скрѣплено. Затѣмъ, мнѣ былъ выданъ талонъ въ главное казначейство и я на другой день по этому талону получилъ изъ казначейства эти двадцать тысячъ рублей.

Такимъ образомъ одно только благодѣяніе, оказанное мнѣ милосерднымъ государемъ Александромъ Николаевичемъ, спасло меня и семью мою отъ гибели!....

При одномъ воспоминаніи о покойномъ государѣ Александрѣ Николаевичѣ мое сердце переполняется жгучими слезами.... Всѣ народы Россіи вѣчно будутъ помнить дѣянія Царя-Освободителя.

Дм. Григ. Колокольцовъ.

1890 г.

Примѣчаніе. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ помѣстили на страницахъ „Русской Старины“ вышеприведенный разсказъ маститаго старца, храбраго воина, съ такимъ глубоко искреннимъ чувствомъ вспоминавшаго милосердаго монарха Александра II.—Въ виду разсказа Д. Г. Колокольцова и не упоминая о тысячахъ лицъ, облагодѣтельствованныхъ покойнымъ государемъ, вспомнимъ одного изъ самыхъ близкихъ къ нему, какъ напр. графа Александра Владиміровича Адлерберга, и выразимъ увѣренность, что графъ, человекъ прекрасно владѣвшій перомъ, конечно, также оставилъ записки о своемъ благодѣлѣ и августѣйшемъ другѣ? Если это такъ, то желательно было-бы видѣть хотя отрывки изъ нихъ въ печати.

Ред.